

АКАДЕМИК
Е. ТАРЛЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1812 ГОДА
И РАЗГРОМ
ИМПЕРИИ НАПОЛЕОНА

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД · 1941 · МОСКВА

АКАДЕМИК Е. ТАРЛЕ

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 ГОДА
И РАЗГРОМ ИМПЕРИИ
НАПОЛЕОНА**

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1941 • МОСКВА

ВВЕДЕНИЕ

Нападение фашистских авантюристов на Советский Союз непременно окажется историческим вступлением к полной ликвидации преступной гитлеровской шайки, уже столько лет позорящей человечество самым фактом своего существования.

Карикатурный образ фашистского пигмея, тянущегося за гигантом, заставляет нас вспомнить очень меткое и правильное замечание, которое было сделано в радикальной английской прессе весной 1941 года: немецкая «третья империя» является пародией на империю Наполеона, «завоевания» Гитлера какие-то не «настоящие», а «поддельные», они, по словам цитируемого английского публициста, еще гораздо менее походят на наполеоновские завоевания, чем испорченный маргарин, которым питаются несчастные подданные Гитлера, — на свежее масло.

Попытаемся здесь хоть вкратце припомнить: почему так круто оборвалась великая трагедия сто двадцать пять лет назад. Это нам поможет понять, почему нельзя сомневаться в близком конце и той пародии, которая разыгрывается фашистскими вырожденками на наших глазах вот уже несколько лет.

I

ВТОРЖЕНИЕ НАПОЛЕОНА В РОССИЮ¹

Из всех войн Наполеона война 1812 года является наиболее откровенно империалистской войной, наиболее непосредственно продиктованной интересами крупной французской буржуазии.

Для России борьба против нападения Наполеона была единственным средством сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность, спастись не только от разорения, которое несла с собою наполеоновская политика, препятствовавшая русской торговле с англичанами, но и от будущего расчленения: в Варшаве поляки надеялись при помощи французского императора не только получить Литву и Белоруссию, но добраться и до Черного моря. Для России при этих условиях война 1812 года явилась в полном смысле слова борьбой за существование, обороной от нападения империалистского хищника.

Отсюда и общенародный характер великой борьбы, которую так геройски вел русский народ против мирового завоевателя.

Говорить об этой войне, задумываться о ней дипломаты стали впервые с начала 1810 года.

Еще 2 декабря 1805 года под Аустерлицем Наполеон нанес страшное поражение австрийским и русским войскам, — но уже и там французы очень хорошо видели разницу между поведением русских солдат и несравненно менее стойким и мужественным поведением австрийцев.

¹ Настоящая брошюра является сокращенным изложением моей книги «Нашествие Наполеона».

В 1807 году русские войска, посланные царем спасти Пруссию от окончательного покорения, сразились с Наполеоном сначала в кровавой битве под Эйлау (8 февраля), где исход сражения остался нерешенным, а затем в битве под Фридландом (14 июня), где Наполеон остался победителем. Александр I тогда же заключил с Наполеоном не только мир, но и союз. Это произошло уже в ближайшие дни после Фридланда, во время личного свидания Наполеона с Александром в городе Тильзите. Наполеон заставил Александра примкнуть к так называемой «континентальной блокаде», т. е., другими словами, Россия обязывалась ничего у англичан не покупать, ничего англичанам не продавать, не допускать англичан в Россию и объявить Англии войну. От этой меры, придуманной Наполеоном для удушения и разорения Англии, русские землевладельцы и купцы тяжело страдали, русская торговля совсем упала, государственные финансы России оказались в самом тяжелом положении.

Присоединение Голландии к Французской империи в июне 1810 года, перевод трех французских дивизий с юга Германии на север ее, к Балтийскому морю в августе того же года, посылка из Франции 50 тысяч ружей в герцогство Варшавское¹, — все эти грозные признаки приближающейся новой бури русская дипломатия ставила в прямую связь с «австрийским браком»² и австрийским союзом Наполеона. Россия становилась Наполеону не нужной, его власть над Европой получала новую точку опоры в Вене.

Отношения между обоими императорами все ухудшались. Чем больше Наполеон наводнял войсками Польшу и Пруссию вопреки условиям Тильзитского мира об эвакуации их из Пруссии, чем более придирчиво и зорко наблюдал он за исполнением правил блокады, тем теснее тайные упования русского правительства связывались с Англией.

Летом 1811 года Александр считает войну вероятной, и, действительно, вскоре дело доходит до открытой враждебной демонстрации. 15 августа 1811 года с обычным торжественным церемониалом праздновался день именин Наполеона. Одним из актов этого торжества был, как

¹ Созданное Наполеоном польское государство, которое возглавил саксонский король, подчинившийся Наполеону.

² Наполеон в 1810 г. женился на дочери австрийского императора Франца — Марии-Луизе.

всегда, парадный прием всех дипломатических представителей в большом тронном зале Тюильрийского дворца¹. Здесь Наполеон подошел к русскому послу Куракину. Разговор императора с послом очень быстро принял весьма напряженный характер. Наполеон стал обвинять царя в военных приготовлениях и в воинственных намерениях, а затем перешел к угрозам. Куракин едва смог вставить замечание, что Александр остается верным другом и союзником Наполеона. «Слова!» — возразил Наполеон и стал жаловаться на происки Англии, которая ссорит Россию с Францией. Прием кончился. Во все концы Европы полетели известия о неминуемом нападении Наполеона на Россию. После этого в Петербурге с минуты на минуту ждали начала военных действий.

В начале 1812 года Наполеону удалось заключить военный союз с Пруссией и Австрией против России.

27 (15) апреля Наполеон дал Куракину большую аудиенцию. Куракин просил эвакуировать войска из Пруссии. Он говорил о колоссальных вооружениях Наполеона, о его «союзе» с Пруссией, явно враждебном России. Наполеон или не слушал и говорил свое, или повторял свой решительный отказ. На другой день Куракин посетил министра иностранных дел, герцога Бассано. Куракин шел почти на все уступки, но заявил, что Россия попрежнему требует эвакуации Пруссии, а также отстаивает свое право торговать с нейтральными державами.

Наполеон крайне возмущался требованием эвакуации Пруссии, называл это дерзким ультиматумом и ухватился за этот «ультиматум» как за доказательство, что не он, а царь первый перешел в наступление. Но ему хотелось оттянуть начало войны до июня. А пока что он решил послать своего генерал-адъютанта, графа Нарбонна, в Вильну, посмотреть, что делается в русской армии, при которой в это время находился и сам Александр.

Посылая Нарбонна к Александру, Наполеон имел в виду не только получить случайные, хотя, может быть, и очень интересные сведения о России и русской армии: дело происходило в начале мая, русские силы уже были возле Немана², и Нарбонну поручалось вести самые мирные речи

¹ Императорский дворец в Париже.

² Эта река была в то время границей между Россией и Пруссией.

и «добрыми словами остановить движение [русской армии] и дать его величеству [Наполеону] время прибыть на место».

Впечатления, которые вынес Нарбонн из этой разведывательной поездки в Вильну к Александру, сводились к следующему: русская армия ни в коем случае не начнет первая военных действий, не перейдет через Неман, не займет Мемеля; Александр не заключил никакого договора с Англией, но сделает это при первом же пушечном выстреле. Далее Нарбонн полагает, что сражение будет дано немедленно после вторжения Наполеона в Россию, что с Швецией еще договора у России нет, хотя Швеция, «повидимому», против Наполеона, наконец, что мир России с Турцией еще далек.

Последние предположения оказались неверными. На самом деле «первое сражение» было дано очень не скоро после вторжения французов; со Швецией у Александра была уже полная договоренность; мир с Турцией был заключен вскоре после того, как Нарбонн побывал у Александра.

Война надвигалась. Большинство дипломатов Европы верило в победу Наполеона. Но были факты, которые заставляли многих призадуматься.

Во-первых, Испания. Когда Наполеон подошел к Бордону, то вся бывшая при нем армия была вдвое меньше, чем другая его армия, которая тогда же, осенью 1812 года, дралась и погибала в Испании. Вот что доносили Наполеону о бесконечной резне в Испании: «У Франции более 220 тысяч войска в Испании, а французы господствуют только в тех пунктах, где стоят их войска. Не заметно никакого улучшения в общественном мнении; никакой надежды на успокоение умов, на привлечение вождей, на покорение народа. Новые силы еще идут к Пиренеям¹... 300 тысяч человек [французов] будут еще пущены в ход и, может быть, погибнут в этой губительной войне. И, по мнению людей самых осведомленных, самых преданных, наиболее решившихся содействовать целям императора, ему не удастся покорить полуостров со всеми силами своей империи».

Вторым обстоятельством, облегчавшим положение России, был неожиданный поворот в шведской политике. На-

¹ Горная цепь, отделяющая Испанию (которая занимает Пиренейский полуостров) от Франции.

полеоновский маршал Бернадотт, избранный наследным принцем Шведским, сейчас же после появления своего в Швеции начал сближаться с Александром. В этом ему помогала и значительная часть шведской аристократии, возмущенная самоуправством Наполеона, который простым распоряжением отнял у Швеции так называемую Шведскую Померанию. Александр обещал также способствовать Швеции в приобретении Норвегии.

Третьим благоприятным для России обстоятельством был мир с Турцией, который 22 мая был заключен Кутузовым в Бухаресте на довольно выгодных для России условиях. Главным преимуществом Бухарестского мира было то, что освобождалось несколько десятков тысяч русских солдат, воевавших против Турции; теперь их можно было направить на русско-австрийскую границу против австрийского вспомогательного корпуса Шварценберга, который должен был вторгнуться в Россию одновременно с войсками самого Наполеона. Наполеон был в ярости, когда узнал о подписании русско-турецкого мира, называл турок болванами, и это еще было одним из самых вежливых выражений, которыми он их награждал.

Таковы были те сравнительно благоприятные условия, которые давали России, казалось, надежду на успешность обороны от страшного противника. Но все-таки в Петербурге при дворе, в высшем дворянстве царило смятение.

9 мая 1812 года Наполеон выехал в Дрезден. Говорилось, что он едет для смотра Великой армии на Висле, но все знали, что он едет на войну с Россией.

Двигаясь триумфатором по Германии, ежедневно догоняя и перегоняя свои бесчисленные войска, устремлявшиеся к востоку, Наполеон чувствовал себя в полном смысле слова диктатором Европейского континента.

Король и королева Саксонские выехали из Дрездена далеко навстречу приближавшемуся Наполеону.

В Дрезден прибыл на поклонение своему всемогущему зятю император австрийский Франц I вместе со своей женой. Король Прусский специально просил у Наполеона разрешения также явиться в Дрезден. . .

Эти дрезденские торжества, этот огромный съезд вассальных монархов — все это имело смысл грандиозной антирусской демонстрации. Здесь-то и услышал Наполеон доклад графа Нарбонна, прискакавшего из Вильны.

Простившись со своими коронованными вассалами, оставив Марию-Луизу и весь свой двор в Дрездене, Наполеон выехал к Великой армии, несколькими потоками устремлявшейся к Неману. На рассвете 21 (9) июня он прибыл в местечко Вильковышки, в нескольких километрах от Немана. 22 июня по его приказу началось движение от Вильковышек к реке.

Сведения о численности Великой армии, перешедшей тогда через Неман, колеблются. Чаще всего останавливаются на цифре в 420 тысяч человек, *перешедших через Неман* (30 тысяч австрийцев в войне участвовали, но *через Неман* не переходили). Затем, в течение июля и августа на русскую территорию было переброшено еще около 55 тысяч человек; наконец, уже в разгаре войны, — еще корпус маршала Викторá (30 тысяч человек) и для пополнения потерь — маршевые батальоны (около 70 тысяч человек).

Большинство показаний современников сходится на том, что настроение армии в момент перехода через Неман было бодрое. В победе мало кто сомневался, а люди повосторженнее говорили об Индии, куда они пойдут после победы над русскими, о золотых слитках и кашемировых тканях Дели и Бенареса¹.

Наполеон мчался между бесконечными движущимися шпалерами своих войск, окруженный свитой, нагоняемый эстафетами и курьерами, диктуя и рассылая приказы, обгоняя корпус за корпусом.

Еще с первой своей большой войны — завоевания Италии в 1796 году — Наполеон, по собственным словам, «разучился повиноваться» — повиноваться людям. Но с 1807 года, с Тильзита, он стал терять способность повиноваться также обстоятельствам и считаться с ними. «Я теперь все могу», — сказал он вскоре после Тильзита своему брату Люсьену.

Абсолютная власть над Европой — это было, так сказать, программой-минимум, которую Наполеон до конца жизни считал еще очень скромной и умеренной...

А в июне 1812 года по пути от Дрездена до Вильковышек, сделав только что в Дрездене генеральный смотр своим низкопоклонным трепещущим вассалам, привет-

¹ Дели и Бенарес — древнейшие города Индии, расположенные по реке Гангу.

ствуемый восторженными кликами французских частей своей полумиллионной армии на всем пути, Наполеон мечтал о несравненно большем, но не говорил своей армии того, что сказал в доверительной беседе графу Нарбонну.

Ни в одной из бесчисленных войн Наполеона не было этого ощущения полной неизвестности и загадочности затеянного дела. И все-таки теперь, когда несметные силы стройными, блестящими рядами двигались к Неману, даже и неизвестность манила.

Но вот что говорил Наполеон графу Нарбонну, приехавшему из Вильны: «Теперь пойдем на Москву, а из Москвы почему бы не повернуть в Индию? Пусть не рассказывают Наполеону, что от Москвы до Индии далеко. Александру Македонскому¹ от Греции до Индии тоже было не близко, но ведь это его не остановило, Александр Македонский достиг Ганга, отправившись от такого же далекого пункта, как Москва... а Ганга достаточно коснуться французской шпагой, чтобы это здание меркантильного величия Англии обрушилось». Значит, основные объекты начинающейся войны Москва и Индия? Но нет. В те же дни Наполеон говорит, что царь вынуждает его к войне своим «ультиматумом» (об очищении Пруссии от французских войск); что цель войны — образумить царя и отклонить его от возможного сближения с Англией; что это война чисто «политическая», т. е. затевается для определенной дипломатической цели, и, едва эта цель будет достигнута, Наполеон готов будет мириться. Мудрено ли, что Великая армия от маршалов до кашеваров не знала, зачем ее ведут в Россию, когда сам император в точности никак не мог ответить на этот вопрос!

Прибыв в помещичий дом в Вильковышках, Наполеон написал 22 июня воззвание к Великой армии. «Пойдем вперед, перейдем через Неман, введем войска на ее [России] территорию...» — говорилось в этом воззвании, которое и явилось объявлением войны России: никакого другого объявления войны Наполеон не сделал. 23 (11) июня Наполеон ездил по берегу Немана. Строились три моста, постройка третьего закончилась в 12-м часу ночи с 23 на

¹ Знаменитый полководец древности, прошедший походом от Македонии, где он первоначально правил, до самой Индии и покоривший все страны, расположенные вдоль этого пути.

24 июня. Четвертый мост, около Ковно, также мог быть использован для переправы.

В ночь на 24 июня 1812 года Наполеон приказал начать переправу. Жребий был брошен.

По четырем мостам — одному старому и трем новым — французская армия, полк за полком, батарея за батареей, непрерывным потоком переходила через Неман и выстраивалась на русском берегу. Наполеон стоял у одного из мостов, здороваясь с проходившими бесконечными полками. Перейдя со старой гвардией через реку, он без свиты помчался к соседнему лесу.

Нигде никого не было. Пустынные поля, песок, лес и лес, тянувшийся, сколько может охватить глаз. Мертвое молчание, ни души, ни признаков человеческого жилья, по всему горизонту угрюмая, темная, беспредельная лесная гуща — таковы были первые впечатления Великой армии на русской территории.

II

НАЧАЛО ВОЙНЫ. ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

В Вильне поздно вечером 24 июня Александр узнал на балу, данном в его честь, о переходе Наполеона через русскую границу. На другой день он призвал бывшего в его свите министра полиции Балашова и приказал ему ехать с письмом к Наполеону; кроме передачи царского письма, Балашову поручалось на словах в разговоре с французским императором прибавить, что «если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут, с условием одним, но непреложным, т. е. чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае государь дает ему слово, докуда хоть один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире».

Балашов выехал в ту же ночь и уже на рассвете прибыл к аванпостам французской армии в местечко Россиены. Французские гусары проводили его сначала к Мюрату¹, а потом к Даву², который весьма грубо, невзирая

¹ Маршал наполеоновской армии, с 1808 г. король неаполитанский, назначенный на этот пост Наполеоном.

² Один из наполеоновских маршалов.

на протест, отнял у Балашова письмо Александра и послал его с ординарцем к Наполеону. На другой день Балашову было объявлено, чтобы он передвигался вместе с корпусом Даву к Вильне. Только 30 июня в Вильне Балашов был проведен в императорский кабинет. «Кабинет сей был та самая комната, из которой пять дней тому назад император Александр I изволил меня отправить», — пишет Балашов.

У Балашова было два свидания с Наполеоном в этот день. Наполеон говорил о том, что он вовсе не собирался воевать с Россией, что он даже все свои личные экипажи послал было в Испанию, куда хотел отправиться. «Я знаю, что война Франции с Россией не пустяк ни для Франции, ни для России. Я сделал большие приготовления, и у меня в три раза больше сил, чем у вас. Я знаю так же, как и вы сами, может быть, даже лучше, чем вы, сколько у вас войск. У вас пехоты 120 тысяч человек, а кавалерии от 60 до 70 тысяч. Словом, в общем меньше 200 тысяч. У меня втрое больше».

Дальше Наполеон плохо скрыл свое раздражение по поводу отступления Барклая¹ от Вильны. Ему хотелось, чтобы Барклай оставался на месте, а он бы мог разгромить его немедленно; это очень устроило бы Наполеона. «Я не знаю Барклая де Толли, — говорил Наполеон Балашову, — но, судя по началу кампании, я должен думать, что у него военного таланта немного. Никогда ни одна из ваших войн не начиналась при таком беспорядке... Сколько складов сожжено и почему?..» Затем Наполеон начал упрекать Александра, что он сам, уклонившись от тильзитской политики, от дружбы с ним, Наполеоном, «испортил свое царствование».

Вернувшись к Александру, Балашов доложил о разговоре с Наполеоном. Итак, война была решена окончательно и бесповоротно. 13 (25) июня 1812 года был отдан приказ по войскам, объявлявший о вторжении Наполеона и начале войны.

Когда стало известно, что Наполеон от Немана двинулся прямой дорогой на Вильну и что впереди идет Мюрат с кавалерией, решено было немедленно уходить из Вильны в «укрепленный лагерь» в Дриссе, устроенный по мысли состоявшего в свите царя генерала Фуля. Ученый

¹ Барклай де Толли — командующий первой русской армией.

генерал, теоретик, создававший при начале всякой войны обширнейшие, точно разработанные планы, из которых никогда ничего не выходило, Фуль начал свою карьеру в прусских войсках, но, потерпев там неудачу, перешел на русскую службу. В Петербурге он стал преподавать военное искусство Александру I. Александр уверовал в его гениальность и взял с собой на войну.

По совету Фуля, Александр, не спросив ни Барклая, ни Багратиона, приказал устроить «укрепленный лагерь» в местечке Дриссе на Двине. Этот лагерь, по мысли Фуля, мог, благодаря своему срединному положению между двумя столбовыми дорогами, одинаково воспрепятствовать Наполеону идти на Петербург и на Москву. И когда Наполеон перешел через Неман, русской армии было велено отступать в Дриссу.

«Дрисский лагерь мог придумать или сумасшедший, или изменник», категорически заявили в глаза Александру некоторые генералы посмелее, когда армия с царем и Барклаем во главе оказалась в Дриссе. Дрисский лагерь со своими мнимыми «укреплениями» не продержится и несколько дней, и русской армии грозит здесь окружение и позорная капитуляция, — утверждали со всех сторон приближенные Александра.

Нелепый план Фуля был, конечно, оставлен уже спустя несколько дней после вторжения Наполеона, но существенный вред он успел все-таки принести. Согласно идее таких «укрепленных лагерей», предполагалось, что обороняющийся должен действовать непременно при помощи двух разъединенных армий: одна защищает лагерь и задерживает осаждающего неприятеля, а другая, маневрируя в открытом поле, тревожит осаждающих атаками и т. д. Но русская армия и без того уже самой природой литовско-белорусского Полесья была разделена на две части, тем более, что совсем неизвестно было, куда и какими дорогами двинется Наполеон. А пока оставался план дрисской защиты, эти разделенные две русские армии и подавно не могли делать никаких усилий для своего соединения.

Царь верил в пригодность плана Фуля. Все окружающие были против него. Но никто ничего толкового не предлагал, кроме Барклая де Толли, которого слушали мало. Он советовал отступать, не рискуя верным проигрышем генеральной битвы у границы. Александр и его свита

явно преуменьшали численность французской армии. Но с первых же дней войны эти утешительные иллюзии должны были исчезнуть, и надежды стали сменяться растерянностью.

В момент вторжения Наполеона русские войска были разбросаны на пространстве в 800 верст. Некоторые уверяют, что Барклай де Толли сначала думал о сражении, но ему пришлось от этой мысли отказаться: численность наполеоновских войск, вступивших в Россию, оказалась гораздо большей, чем предполагали в русском штабе и при дворе. Решено было отступать.

Первая потеря русской государственной территории привела в смятение ближайшее окружение Александра. «Как? В пять дней от начала войны потерять Вильну? Предаться бегству, оставить столько городов и земель в добычу неприятелю и при всем том хватать началом кампании? Да чего же недостает еще неприятелю? Разве только того, чтобы без всякой препоны приблизиться к обеим столицам нашим? Боже милосердный! Горючие слезы смывают слова мои!» Так писал государственный секретарь Шишков в первые дни войны. Старый царедворец не предвидел, что спустя каких-нибудь шесть месяцев великий русский народ разгромит и уничтожит армию завоевателя и освободит свою землю.

Переходя Неман, Наполеон полагал, что русская армия, действующая непосредственно против него, равна приблизительно 200 тысячам человек. Он ошибался. На самом деле, если исключить южную армию генерала Торماسова, которой противостоял австрийский корпус Шварценберга, в день вторжения Наполеона русское командование располагало следующими силами: в армии Барклая (1-й армии) было 118 тысяч человек; в армии Багратиона (2-й армии) — 35 тысяч, в общем — 153 тысячи человек. При отступлении эти армии пополнялись, но все же в Смоленске, когда, наконец, Барклай и Багратион соединились, у них оказалось всего-навсего 113 тысяч человек. Болезни и бои уменьшили численность армии.

Русская армия имела достаточно артиллерии и хороших артиллеристов. Можно сказать, что за всю первую половину XIX века никогда русская артиллерия не была до такой степени близка к французской по своей боеспособности, как именно в 1812, 1813, 1814 годах.

К моменту перехода Наполеона через Неман русские войска были, относительно говоря, лучше снабжены артиллерией, чем наполеоновская армия: у русских приходилось на каждую тысячу солдат приблизительно семь орудий, а у Наполеона — не более четырех. Конечно, абсолютное число орудий при этом расчете у него все-таки было больше, чем у русских, потому что его армия в начале войны была гораздо больше русской.

Слабой стороной русской армии была военная (и общая) невежественность части офицерского и даже генеральского состава. Другой слабой стороной была варварски жестокая, истинно палочная дисциплина. Третьей слабой стороной было неистовое хищничество: не только воровство разных «комиссионеров» и прочих интендантских чинов, но и казнокрадство не всех, конечно, но многих полковых, ротных, батальонных и всяких прочих командиров, наживавшихся на солдатском довольствии. Тяжка была участь солдата, но на войне иной раз легче приходилось, чем во время мира; увечья и смерть в бою казались краше, чем выбивание челюстей и смерть при проведении сквозь строй. На войне и зверство начальников не проявлялось так, как во время мира. А кроме того, были, конечно, и среди офицеров такие, которые жили душа в душу с солдатами, были и генералы, обожаемые солдатами, вроде того же Багратиона или Кульнева, или Коновницына, Раевского или Неверовского.

Барклай вышел из Вильны 26 июня и пошел по направлению к Дрисскому лагерю, хотя уже когда он выходил из Вильны, и он сам, и Александр, и все окружающие царя были убеждены, что этот Дрисский лагерь — вздорная выдумка бездарного Фуля.

10 июля Барклай со стотысячной армией вступил в Дриссу, а уже 16-го со всеми войсками, со всем обозом, со всеми запасами и с самим царем покинул Дрисский лагерь и пошел по направлению к Витебску.

В течение десяти жарких и томительных июльских дней Барклай шел от Дриссы через Полоцк к Витебску, последовательно получая донесения от лазутчиков и от разведки, что Наполеон с главными силами тоже идет на Витебск. Наполеон мог привести в Витебск до 200 тысяч человек, а у Барклая не было даже и полных 75 тысяч: он должен был выделить из своих 100 тысяч целую

четверть (25 тысяч человек) для усиления Витгенштейна, охранявшего дорогу на Петербург.

Защищать Петербург с его правительственными учреждениями, с царской семьей — такова была задача, возложенная Барклаем на Витгенштейна.

Витгенштейн был полководцем очень посредственным и нерешительным, к тому же ответственная роль защитника Петербурга сильно его подавляла. В войсках Витгенштейна было много отрядов ополчения, и ополченцы нисколько не уступали регулярным войскам в храбрости, упорстве, ненависти к врагу. Вот характерный случай. Витгенштейн приказывает пехоте отступить, и происходит следующее: «Регулярные войска тотчас же повиновались, но ополчение никак не хотело на то согласиться. Нас привели сюда драться, говорили ратники, а не для того, чтоб отступать. Сие приказание было повторено вторым и даже третьим адъютантом, но ополчение не хотело и слышать этого. Храбрые ратники, незнакомые еще с воинской подчиненностью, горели только желанием поразить нечестивого врага, пришедшего разорять любезную их родину».

Дело дошло до того, что сам командующий северным фронтом Витгенштейн должен был примчаться уговаривать ополченцев. Не стрелять же было в них! Обратимся опять к рассказу очевидца: «Наконец, приезжает и сам генерал. «Ребята, — говорит он, — не одним вам драться с неприятелем. Вчера мы его гнали, а сегодня моя очередь отступить. Позади вас поставлены пушки; если вы не отойдете, то нельзя будет стрелять». — «Изволь, батюшка, — отвечали они: — что нам заслонять пушки, а от неприятеля не отступим!»».

В конце концов Витгенштейн кое-как уломал их. Ополченцы «отошли с досадой, говоря генералу: ты велел — ты и отвечай». После артиллерийского огня ополченцы двинулись на французов. «Ратники подобно разъяренным львам бросились на неприятелей и не замедлили нанести им знатную потерю».

Мы увидим дальше, что ополченцы, влившиеся в армию Кутузова, нисколько не уступали ополченцам, которыми располагал Витгенштейн. Это были крестьяне, часто уже немолодые, взятые от сохи буквально иногда несколько дней назад, в лаптях или рваных сапогах, в сермяге вместо мундира и шинели, с пиками вместо сабель и ружей,

завидовавшие солдатам регулярных частей, которые шли в бой вооруженными, но сражавшиеся не хуже их.

В первый, самый тяжкий и опасный для России период войны прусские генералы, вторгшиеся в Россию под общим командованием и в составе корпуса маршала Макдональда, выполняли волю Наполеона, что называется, не за страх, а за совесть. Они уповали, как и сам благочестивый их монарх Фридрих-Вильгельм III, получить от Наполеона в награду значительную часть русской территории — именно весь Прибалтийский край. Русские сначала думали, что пруссаки участвуют в войне только для виду, чтобы не раздражить Наполеона, и что по-настоящему биться с русскими они не станут, но, к своему удивлению, они поняли, что ошиблись. Пруссаки не только исправнейшим образом убивали русских солдат, но и «под метелочку», как выразился один очевидец, ограбили весь край, который они занимали в 1812 году. Позже, едва Наполеон ушел из России, пруссаки немедленно переметнулись на сторону русских. 30 (18) июля Витгенштейн имел успех в столкновении с маршалом Удино и отбросил его к Полоцку.

Наполеон узнал обо всех происшествиях на северном фланге, уже будучи в Витебске. Он был всем этим очень недоволен. Он узнал, конечно, что никакой настоящей победы, о которой говорили в Петербурге и в Англии, Витгенштейн над маршалом Удино не одержал, но он должен был примириться с тем, что и никакой существенной помощи оба его действующие на севере маршала, Удино и Макдональд, ему уже не окажут и что серьезной диверсии на Петербург русские могут не бояться.

В свою очередь, и в Петербурге стало вполне ясно, что решающие действия разыграются не на петербургских, а на смоленских путях и, может быть, на московских.

Барклай и Багратион, теснимые неприятелем, отступали на Витебск и Могилев при страшной жаре, полуголодные, по целым дням не имея свежей воды.

Всего только час спустя после ухода русских войск из Вильны туда явился Наполеон с авангардом. Здесь он пробыл от 28 июня до 16 июля.

С первых же дней июля Наполеон стал отдавать себе отчет в неудобствах континентального климата при русском бездорожье. За страшной жарой последовали сильные дожди, которые создавали затруднения при передви-

жении войск. Болезни косили ряды наполеоновской армии с первых же дней похода.

Но хуже всего, даже хуже сильнейшей жары, было неожиданное, в высшей степени тяжелое положение с продовольствием людей и лошадей. Быстрота движения армии, за которой не мог угнаться обоз, породила голод. Солдаты, лишенные регулярной выдачи довольствия и фуража, стали грабить население, когда еще шли по земле «союзника», по Пруссии. Но ни в одной наполеоновской войне, за исключением итальянской кампании 1796—1797 годов и завоевания Египта в 1798—1799 годах, войска Наполеона не грабили так бесцеремонно и не опустошали так занятую местность, как в 1812 году в России.

2 июля, через восемь дней после вторжения в русские пределы, Наполеон подписал суровый приказ по армии: арестовывать всех солдат, уличенных в грабеже и мародерстве, предавать их военно-полевому суду и в случае обвинительного приговора расстреливать немедленно. Но даже частые расстрелы не помешали продолжению грабежей. Дисциплина в Великой армии совсем не походила на всегдашнюю дисциплину наполеоновских войск.

Вообще армия была не та, что прежде. В ней не было прежних волонтеров, она была даже не чисто французская, а многонациональная — всеевропейская. Офицеры постарше с первых же дней похода предвидели много бед и не переставали с тревогой повторять, что армия грабит, мародерствует; отстающих, дезертирующих — масса, и дело может кончиться очень печально.

Находясь в Вильне, Наполеон должен был обдумать и предпринять две операции: против Багратиона, отступавшего с 2-й армией к Несвижу, и против Барклая, который уже 26 июня вышел из Вильны со своей 1-й армией по направлению к Дрисскому лагерю.

Наиболее трудным было положение Багратиона, и Наполеон сразу же велел двинуть против него большие силы. По его приказу в погоню за Багратионом вышел из Вильны маршал Даву с 50-тысячным войском. Даву шел через Ошмяны на Минск, обходя Багратиона и отрезывая ему отступление. Своему брату, вестфальскому королю Жерому Бонапарту, у которого было около 16 тысяч войска, Наполеон велел идти на Новогрудок, предупреждая движение туда Багратиона, который 29 июня еще был у Немана.

Багратиону грозила капитуляция или полнейшее истребление.

Положение Багратиона казалось отчаянным. У него было всего около 40 тысяч войска, так как две дивизии были уже при начале преследования отброшены на Вольну. За ним гнались маршал Даву с 70 тысячами, Понатовский с 35 тысячами, король вестфальский Жером с 16 тысячами, Груши с 7 тысячами и Латур-Мобур с 8 тысячами войска. И все-таки Багратион ушел...

Наполеон гневно обрушился на своего бездарного брата, который не сумел догнать и разбить Багратиона.

8 июля Даву занял Минск и пошел оттуда к Березине. Багратион оказался вновь в критическом положении. Он отступал, очень растянув свою армию, по узким дорогам между болотами. Когда Наполеон узнал о положении армии Багратиона, он воскликнул: «Они у меня в руках!». В этот момент он, очевидно, забыл, что сам же называл Багратиона лучшим генералом русской армии. Даву провёл в Минске четыре дня. Искусным маневром Багратион повернул сильно к югу, достиг Березины у города Бобруйска, перешел там через Березину и пошел к Днепру. Днепр он хотел перейти у Могилева, но, узнав, что Могилев уже занят войсками Даву, вышедшими из Минска, отошел с боем, уничтожив при этом целый полк легкой кавалерии французов. Затем, приказав Раевскому задерживать силы Даву у местечка Дашковки, сам двинулся к Новому Быхову, где и перешел через Днепр 25 июля. Другая часть его войск перешла Днепр у Старого Быхова.

23 июля Раевский с одним корпусом в течение десяти часов выдерживал при Дашковке упорный бой с наседавшими на него пятью дивизиями корпусов Даву и Мортье. Когда в этой тяжкой битве среди мушкетеров на один миг под градом пуль произошло смятение, Раевский, как тогда говорили и писали, схватил за руки своих двух сыновей, и они втроем бросились вперед, увлекая за собой солдат. Войско Раевского ничуть не уступало своему командиру. Вот что доносил скупой на похвалы Раевский своему начальнику Багратиону после битвы: «Я сам свидетель, что многие офицеры и нижние чины, получив по две раны и перевязав их, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно выхвалить храбрости и искусства артиллеристов: все были герои».

На левом берегу Днепра Багратион уже вышел из

французских клещей. Маршал Даву только спустя сутки узнал о переходе Багратиона через Днепр, о чем и донес немедленно императору. Наполеон был очень недоволен этим неожиданным спасением Багратиона от неминуемого, казалось, разгрома и плена или полного уничтожения.

Почти одновременно с известием о переходе Багратиона через Днепр к Наполеону пришла и другая весть: оказалось, что Барклай со всем войском внезапно покинул укрепленный лагерь в Дриссе и пошел к Витебску.

Действительно, как только было решено оставить Дрисский лагерь, Барклай 14 июля вышел из Дриссы и 18 июля прибыл в Полоцк. Отсюда он решил идти на Витебск, чтобы предупредить занятие этого города Наполеоном. В Витебск Барклай со своей 1-й армией пришел 23 июля, занял город и расположился лагерем. У него была мысль подождать тут Багратиона и, как он говорил, дать сражение движущейся на Витебск Великой армии. Чтобы задержать движение французов, Барклай выслал им навстречу 4-й пехотный корпус под начальством графа Остермана-Толстого.

Подойдя к Островну, Остерман-Толстой увидел перед собой густую массу кавалерии: это был сам Мюрат, шедший впереди Великой армии со своей конницей. Завязался упорный бой, который длился с переменным успехом весь день 25 июля. Барклай, узнав о бое под Островном, поспешил выслать подкрепление под начальством Коновницына, и 26 июля бой возобновился с удвоенной силой, на этот раз уже в 8 верстах за Островном.

Коновницын, так же как Остерман, должен был только задержать французов, чтобы дать время Багратиону подойти к Витебску, где Барклай решил было дать генеральное сражение. Эту самую тяжкую роль — задерживать подавляющие силы врага, изображать живой заслон, наперед предназначенный к уничтожению, без малейших шансов на победу, — Петр Петрович Коновницын и его солдаты исполнили в кровавый день 26 июля 1812 года так же успешно, как накануне Остерман и как спустя несколько дней, уже на путях к Смоленску, Неверовский и Раевский. О Коновницеине служившие с ним говорили, что был он необычайным добряком. При отступлении русской армии до Москвы он сплошь и рядом позволял своим солдатам забирать желающих уехать со своим добром жителей, так что его полки походили издали на какие-то

движущиеся таборы. С солдатами он обходился по-товарищески.

Отряды Остермана и Коновницына, устлав своими трупами дорогу от Островна до Лучосы, свое дело сделали: они дали возможность Барклаю и Багратиону выиграть два лишних дня для окончательных решений.

Целый день 26 июля Барклай ждал известий и от Коновницына — надолго ли еще хватит сил задерживать наседающих французов, и от Багратиона — есть ли надежда на то, что он прорвется через Могилев к Витебску. Ночь принесла ответы на оба вопроса: поздним вечером 26 июля пришли с Остерманом и Коновницыным те солдаты и офицеры, которые спаслись при систематическом истреблении их отрядов при Островне и во время отступления к Витебску. А в предрассветные часы 27 июля в лагерь Барклая примчался курьер от Багратиона: Багратион извещал, что ему не удалось пробиться через Могилев и он узнал, что маршал Даву предпринимает движение к Смоленску.

Еще за несколько часов до получения известия от Багратиона Барклаю доложили, что к Витебску внезапно явился сам Наполеон со старой гвардией. Из русского лагеря можно было видеть вечером огни, горевшие в расположении французской гвардии на опушке леса перед Витебском. Нужно было на что-то решаться.

Давать Наполеону бой, да еще без Багратиона — значило итти почти на верный проигрыш сражения и, следовательно, на уничтожение русской армии. Барклай решил уйти из Витебска к Смоленску, оставив лишь в 5 верстах от Витебска заслон в 3 тысячи пехоты, 4 тысячи кавалерии, 40 орудий под общим начальством графа Палена. Этот заслон должен был хотя бы не надолго задержать Наполеона, если бы он пожелал немедленно пуститься по дороге из Витебска в Смоленск.

Бесшумно, при потушенных огнях, русская армия снялась ночью 27 июля с лагеря и ушла.

Наполеон до того жаждал генеральной битвы под Витебском, что еще в походе, по пути к Витебску, приказывал Мюрату и вице-королю Евгению не препятствовать отдельным отрядам русской армии соединиться с главными русскими силами.

25 июля французы двинулись на Витебск. Страшная жара продолжалась, солдаты шли «в пылающей пыли»,

ветераны Великой армии вспоминали Египет и сирийские пустыни.

Поздно ночью 26-го французские передовые эшелоны прибыли к опушке леса, подступающего к равнине, где стоит Витебск. Ночью император глядел на множество огней вокруг города и в самом городе, где расположилась русская армия.

Что делает Барклай? Будет ли он биться под Витебском? Произойдет ли завтра или послезавтра новый Аустерлиц, который по своему значению затмит Аустерлиц австрийский, победу Наполеона над этими самыми русскими в 1805 году?

Настало утро 27 июля. Движение вокруг города и в городе не прекращалось. Русские не атаковали Наполеона, а Наполеон решил, со своей стороны, напасть не 27, а 28 июля. Когда армия укладывалась на ночь, император, прощаясь с Мюратом, сказал, что завтра в пять часов утра он начнет генеральное сражение. В расположении русской армии горели огни, как накануне. Наполеон пошел в свою палатку. Мюрат уехал к аванпостам своей кавалерии, выдвинутым ближе всего к русскому расположению.

На рассвете к Наполеону прибыл ординарец с эстафетой от Мюрата: ночью Барклай ушел.

Наполеон твердо знал, что необходимо, не задерживаясь в Витебске, броситься за Барклаем и за уходящим к Смоленску Багратионом и не допустить им соединиться в Смоленске и что осталось всего 5—6 дней, в течение которых этого возможно достигнуть. «Но жара была так сильна и армия так велика, что император рассудил, что должно дать ей несколько дней для отдыха».

Император жил в Витебске день, другой, третий, четвертый. Свита и гвардия видели, что он чем-то раздражен и недоволен. Упорная мысль кончить войну в этом, а не в будущем году имела непреодолимую власть над его душой. Кончить же ее в этом году можно было только одним способом: разгромив русскую армию.

Значит, нужно догнать Барклая и, если еще возможно, разбить его до встречи с Багратионом. Если они уже встретились, — разбить их обоих.

Среди бесчисленных и настоятельных забот, во-первых, о пропитании армии, во-вторых, об организации преследования Багратиона, идущего к Смоленску, в-третьих о политическом устройстве Литвы, в-четвертых, о войне в далекой

Испании, где дела шли все хуже, в-пятых, о передвижениях гарнизонов в Бремене и в Голландии, перед императором неотступно стоял и заслонял собою все центральный вопрос: устраиваться на зиму здесь или итти дальше.

В первых числах августа Наполеон сказал маршалам, что он пойдет на Смоленск. Всецело на стороне продолжения преследования русской армии был Мюрат. Но Бертье, Дюрок, Дарю, Коленкур решительно высказались против нового наступления. Редко когда они осмеливались так определенно и настойчиво не соглашаться со своим повелителем. Почтительно, но твердо генерал и обер-гоф-маршал Дюрок настаивал, что русские явно заманивают Великую армию в глубь страны, что там ее ждет гибель. Его поддержал Бертье. Оба они говорили императору об ужасающем падеже лошадей, об отсутствии корма, о дезорганизации снабжения армии провиантом, о нищете, умышленно разоряемой русскими войсками стране, о бесконечных ее пространствах. . . Дюрок упорно указывал на злое значение того факта, что император Александр не просит мира. Наполеон ответил, что он учитывает все опасности, но что он кончит поход 1812 года в Смоленске.

Государственный секретарь, главный интендант Великой армии граф Дарю, лучше кого бы то ни было знавший дела снабжения, не только подтвердил заявления Бертье и Дюрока, но высказал и все то, что было на душе и у Дюрока, и у Бертье, и у Коленкура, но чего они не смели выразить ясно. Из-за чего ведется эта тяжелая и далекая война? «Не только наши войска, государь, но мы сами тоже не понимаем ни цели, ни необходимости этой войны».

В следующие дни император не давал ни окончательного приказа о выступлении всей армии из Витебска, ни повеления об устройстве на долгое пребывание в Витебске. Уже решив дело, император медлил и как будто ждал толчка.

Толчок последовал. 10 августа императору донесли, что генерал Себастиани подвергся внезапному нападению со стороны русской кавалерии и потерпел урон; дело произошло около Инкова. Воскресла надежда на то, что русские остановились где-то около Днепра, на левом берегу реки.

Наполеон немедленно отдал приказ по армии: выступить с витебских стоянок и итти на русских.

12 августа первые части наполеоновской армии вышли из Витебска.

Завоеватель вступал в центральную Россию. Смоленск, столько раз задерживавший в минувшие века врагов, шедших на Россию, древний город, двести лет не видевший под своими стенами неприятеля, готовился к встрече самого грозного врага, и его башням и стенам суждено было рухнуть от таких ударов, каких они никогда еще не испытывали.

III

БОЙ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Прикрываясь лесами и сложно маневрируя с целью скрыть от русских свой маршрут, Наполеон быстрыми переходами хотел идти к Смоленску, задерживаемый упорным сопротивлением небольшого отряда Неверовского.

Вытесненный и из местечка Ляды и из Красного, Неверовский, героически обороняясь от французских сил, по крайней мере в пять раз превышавших его отряд, отступал к Смоленску. Французский очевидец (граф Сегюр) говорит о «львином отступлении» Неверовского. У Неверовского была такая манера обучения солдат: он перед боем сам водил их посмотреть позицию и растолковывал смысл предстоящего. Солдаты Неверовского сражались во время этого убийственного отступления с полнейшим пренебрежением к опасности, каждый шаг отступления был устлан русскими трупами. «Русские всадники казались со своими лошадьми вкопанными в землю... Ряд наших первых атак кончился неудачей... русские [отступающие] всякий раз внезапно поворачивались к нам лицом и отбрасывали нас ружейным огнем», — так писали французы об этой героической обороне.

Узнав, что большие силы неприятеля посланы Наполеоном в обход Смоленска, к востоку-северо-востоку от Смоленска на Дорогобуж, Багратион немедленно двинулся туда, чтобы занять Дорогобуж и не дать возможности неприятелю перерезать большую Московскую дорогу. Войск у него было мало, но главное, что его тревожило, это убеждение, что Барклай сдаст Смоленск.

Корпусу Раевского Багратион велел выйти из Смоленска навстречу наступающим французам. Как раз в это время узнали, что французская армия напала в Красном 15 августа на корпус Неверовского, разбила его, отбро-

сила от Красного, и Неверовский, с боем отступая, послал Багратиону рапорт, прося немедленной подмоги. Но подмога запоздала.

Остатки отряда Неверовского влились в 13-тысячный отряд Раевского.

К ночи Раевский и Неверовский увидели на горизонте бесконечную линию костров: это сам Наполеон со всей армией расположился на ночлег, явно по прямому пути устремляясь к Смоленску. Да и неизвестно было — ночлеги это или еще ночью он снимется с лагеря и пойдет на город.

У Раевского было всего 13 тысяч человек, у Наполеона в момент нападения на Смоленск было около 182 тысяч. Раевский не имел ни приказа, ни полномочия защищать Смоленск; русская армия уже начала свое дальнейшее отступление от Смоленска к Москве. Раевский решил защищаться.

16 августа с утра Наполеон уже стоял под стенами Смоленска. Тогда же Раевский узнал, что Багратион спешит к нему на помощь. К вечеру Багратион уже был недалеко от Смоленска. Туда же начал подвигаться и Барклай.

В 6 часов утра 16 августа Наполеон начал бомбардировку Смоленска, и вскоре произошел первый штурм. Город оборонялся в первой линии дивизией Раевского. Сражение шло, то утихая, то разгораясь, весь день. Но весь день 16 августа усилия Наполеона овладеть Смоленском были напрасны. Настала ночь. Обе стороны готовились к новой смертельной схватке. Ночью по приказу Барклая корпус Раевского, имевший громадные потери, был сменен корпусом Дохтурова. В четыре часа утра 17 августа битва под стенами Смоленска возобновилась, и почти непрерывный артиллерийский бой длился 13 часов, до пяти часов вечера того же 17 августа. В пять часов вечера весь «форштадт» Смоленска был объят пламенем. Стали загораться отдельные части города. Приступ за приступом следовал после страшной канонады, служившей подготовкой, и всякий раз русские войска отбивали эти яростные атаки. Настала ночь с 17 на 18 августа. В эту ночь канонада и пожары усилились. Вдруг среди ночи русские орудия умолкли, а затем французы услышали страшные взрывы неслыханной силы: это Барклай отдал приказ армии взорвать пороховые склады и выйти из города. Войска под Смолен-

ском сражались с большим воодушевлением и вовсе не считали себя побежденными в тот момент, когда пришел приказ об оставлении города. Но Барклай видел, что Наполеон стремится здесь, в Смоленске, принудить его, наконец, к генеральному сражению, повторить Аустерлиц на берегах Днепра, среди развалин горящего Смоленска, в то время как Багратион с частью армии идет к Дорогобужу и явно не успеет уже прийти на поле битвы.

На рассвете 18 августа, когда Наполеон проснулся перед Смоленском, думая, что в этот день произойдет, наконец, генеральная битва, и ему в ответ показали на заднепровскую даль и на густые массы движущихся от Смоленска к востоку войск, он понял, что Барклай снова ушел от битвы и что Смоленск, с точки зрения русского командования, — только заслон, который должен несколько задержать преследование. Опять русская армия выскользнула из его рук.

Русские войска бились под Смоленском так, что даже в самых беглых, самых деловых, сухих французских отчетах и воспоминаниях авторы то и дело отмечают удивительные эпизоды. Так называемое предместье Смоленска уже давно пылало ярким пламенем. Смоленск уже был покинут русскими, и в горевший город одновременно через несколько окраинных улиц вступали французские войска. Русский арьергард под предводительством генерала Коновницына и полковника Толя отчаянно оборонялся, продолжая задерживать неприятеля. Русские стрелки рассыпались по садам и в одиночку били в наступающую густую французскую цепь и в прислугу французской артиллерии. Русские не хотели оттуда уходить ни за что, хотя, конечно, знали о неминуемой близкой смерти. «В особенности между этими стрелками выделился своей храбростью и стойкостью один русский егерь, поместившийся как раз против нас, на самом берегу, за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действием одного специально против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, но он все не унимался и замолчал только к ночи, а когда на другой день по переходе на правый берег мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в груди искалеченных и расщепленных деревьев увидали распростертого ниц и убитого ядром нашего противника унтер-офицера

егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту», — говорит в своих воспоминаниях один французский офицер.

С удивлением отмечали очевидцы, что под Смоленском солдаты так жаждали боя, что начальникам приходилось *шпагой* отгонять их там, где они слишком уж безрассудно подставляли себя под французскую картечь и штыки. «Ожесточение, с которым войска наши, в особенности пехота, сражались под Смоленском невыразимо, — пишет современник. — Нетяжкие раны *не замечались* до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови. . .»

На рассвете 19 августа маршал Ней прошел окольным путем, миновав пылавшее смоленское предместье, и вышел из города. Узнав, что русская армия отступает по Московской дороге, Ней сейчас же двинулся за нею. Около Валутиной горы Ней задержал русский арьергард. Произошла битва, длившаяся целый день 19 августа. Русские сопротивлялись очень упорно. Французы потеряли 7 тысяч человек, русские — около 6 тысяч. При наступлении темноты артиллерийская перестрелка смолкла. Ночью Барклай снялся с позиций и ушел на восток.

В этой битве под Валутиной «было почти столько же славы в поражении русских, как в нашей победе», — сказал бывший около императора граф Сегюр. Это-то и было зловещим признаком для Наполеона. Разве русские бежали хоть один раз с тех пор, как началась война? Разве еще битву под Красным и отступление Неверовского можно было не для публики, а всерьез назвать победой Великой армии? Разве где-нибудь, кроме Испании, случалось так, чтобы люди в одиночку отстреливались от целой роты и чтобы против одинокого, окруженного врагами солдата нужно было выдвигать пушку, как пришлось это сделать с русским егерем у Смоленска? Вообще битву при Валутиной горе надо рассматривать не как победу, а, скорее, как стратегическую неудачу французской армии.

Корпус генерала Жюно Наполеон заранее отправил в обход Смоленска с целью воспрепятствовать Барклаю и Багратиону соединиться на Московской дороге. Но Жюно опоздал: когда он вышел через болота на Московскую дорогу, соединенная русская армия уже шла, направляясь к Дорогобужу.

В ночь с 24 на 25 августа Наполеон выступил из Смоленска. Он шел вслед за русской армией по опустошенной дороге. Вдали по обе стороны пути виднелись зарева пожаров сжигаемых деревень и стогов.

Утром 29 августа Наполеон был в Вязьме. Русская армия безостановочно уходила все дальше на восток.

IV БОРОДИНО

17 (29) августа главнокомандующим русской армией был назначен Михаил Иларионович Кутузов. Не только в дворянстве обеих столиц, но и в армии и даже в солдатской армейской массе давно говорили о Кутузове. Но все знали, что царь терпеть не может Кутузова и Кутузов отвечает ему полной взаимностью. Однако теперь наступил момент, когда царю приходилось отодвинуть на задний план свои личные чувства.

Кутузову, когда он получил это назначение, было 67 лет. Еще Суворов ставил его много выше других своих соратников. «Хитер, хитер! Умен, умен! Никто его не обманет», — говорил о Кутузове Суворов. Громадные стратегические способности, личная несокрушимая, спокойная храбрость, очень большой военный опыт, широчайшая популярность Кутузова в населении и армии, — все это ставило старого генерала на совсем исключительное место.

Кутузов рассчитывал на то, что русский крестьянин скорее сожжет свой хлеб, свое сено и свое жилище, чем продаст врагу провиант, и что в этой выжженной пустыне неприятель погибнет сам собой. Но он знал, что никому, в том числе и ему, не позволят сдать Москву без боя. Настроение народа и прежде всего крестьян, настроение армии было таково, что не дать даже и одного генерального сражения было для Кутузова просто невозможно. «Тот, кто предложил бы сдать Москву без выстрела, несомненно прослыл бы за изменника в глазах всего народа», — говорит один из современников.

Когда отступающая русская армия двигалась от Гжатска к Можайску, к ней явились в подкрепление около 15 тысяч под начальством Милорадовича и 10 тысяч московской милиции под начальством графа Маркова. Получив

это подкрепление, Кутузов окончательно решил принять бой. Русская армия остановилась и повернулась лицом к наступающему Наполеону.

2 сентября, войдя в Гжатск, Наполеон приказал сделать всеобщую переключку боевых сил, находившихся в городе и в непосредственной близости от него. Оказалось 103 тысячи пехоты, 30 тысяч кавалерии и 587 орудий. Но еще продолжали подходить отставшие части.

4 сентября в час ночи Наполеон вышел из Гжатска и пошел ускоренным маршем, очень тесня арьергард Кутузова, явно желая либо принудить нового главнокомандующего к генеральной битве, либо на плечах русской отступающей армии войти в Москву. Русский арьергард непрерывно оказывал французам жестокое сопротивление.

Прикрываемый удачным и упорным сопротивлением арьергарда, возглавляемого генералом Коновницким, Кутузов с Барклаем и Багратионом подошел 3 сентября к Колоцкому монастырю и тут начал укрепляться.

Наполеон шел за Коновницким, почти не выпуская его из непрерывного боя. И вдруг ему доложили, что впереди — редут. Наполеон появился перед этим Шевардинским редутом в ночь на 5 сентября, когда в редуте оставались еще небольшие, не успевшие уйти русские части. Несколько французских конных атак было отбито защитниками редута. Подоспевшие две французские пехотные дивизии и три полка 3-й дивизии отбросили дивизию Неверовского, занимавшую подступы к редуту, и пошли штурмом на Шевардинский редут. Русские защитники редута встретили французские войска, т. е. свою неминуемую смерть, криком «ура» и штыковой контратакой. Шевардино было поручено защищать князю Горчакову, располагавшему 11 тысячами человек. Наполеон направил на Шевардинский редут больше тридцати пяти тысяч отборных войск, а в разгаре боя подослал еще атакующей колонне подкрепление. Бой продолжался весь день 5 сентября. Русские артиллеристы продолжали стрелять до последней минуты, и когда ворвались в ретраншементы¹ французы, они не бежали, хотя имели полную к тому возможность, но вступили в рукопашную и были переколоты у своих орудий. Лишь незадолго до полуночи Багратион получил приказ от Кутузова прекратить сопротивление и отойти.

¹ Временные укрепления.

Французы понять не могли, как этот бой, настолько неравный, мог так долго продолжаться.

В тот же день, 5 сентября, русский арьергард, которым командовал Коновницын, снова был атакован французами у Колоцкого монастыря и отброшен к селу Бородино.

Наполеон шел на русскую армию тремя густыми колоннами. Около деревни Валуево императорский штаб остановился. Здесь он получил донесение, что на Шевардинском редуте *«ни один пленный не был взят»*.

6 сентября Наполеон, подъехав к Шевардинскому редуту и, повидимому, желая проверить полученное накануне известие, спросил: «Сколько вчера взято в плен русских?» — «Они не сдаются в плен, государы!» — последовал ответ.

Весь день 6 сентября прошел у французов в приготовлениях к бою. В ночь с 6 на 7-е Наполеон не ложился. На рассвете в его палатку явился ординарец от маршала Нея. Маршал спрашивал, начинать ли бой. Русские стоят на месте. Наполеон вскричал: «Наконец, мы их держим! Вперед! Откроем ворота Москвы!». В это время позади русского далекого лагеря стало подыматься солнце. «Вот солнце Аустерлица!» — воскликнул император.

Во всемирной истории очень мало битв, которые могли бы быть сопоставлены с Бородинским боем и по неслыханному до той поры кровопролитию, и по ожесточенности, и по огромным последствиям.

В этом бою Наполеон не только не сломил духа русской армии, но не устрасил и русский народ, который именно после Бородина и после гибели Москвы усилил яростное сопротивление неприятелю.

С пяти часов утра самый яростный бой завязался на левом крыле русской армии, где у Семеновского оврага стоял Багратион. Наполеон направил сюда своих маршалов Даву, Мюрата и Нея. Первые атаки были отбиты русской артиллерией и густым ружейным огнем. Маршал Даву упал, контуженный в голову, лошадь под ним была убита. В первых же атаках на позиции Багратиона у французов было перебито очень много начальников: несколько генералов и полковых командиров, Укрепления вокруг Семеновского оврага, так называемые «Багратионовы флеши», были сделаны наспех, плохо, но их защита была такой яростной, что об эти флеши с пяти часов утра до 11½ безуспешно и с ужасающими потерями разбивались все

отчаянные нападения французов. Наполеон уже к семи часам утра приказал выдвинуть почти 150 орудий и громить ими Багратионовы флеши. После долгой артиллерийской подготовки огромные силы бросились на Семеновский овраг и на флеши. Подавляющие силы налетели на дивизию Воронцова, опрокинули и смяли ее, налетели на дивизию Неверовского, смяли и ее тоже. Неверовский сопротивлялся отчаянно, и его батальоны не раз бросались в штыковой бой против напавшей громадной массы французов.

Мюрат, Ней, Даву послали к Наполеону за подкреплением. Но он отказал, будучи недоволен тем, что флеши еще не взяты.

Закипел кровопролитнейший бой. Багратион и французские маршалы несколько раз отбивали друг у друга покрытые трупами людей и лошадей Багратионовы флеши. Для людей, хорошо знавших Багратиона и видевших его в эти страшные часы, не могло быть сомнений, что или флеши останутся в руках Багратиона, или он сам выйдет из строя мертвым или тяжело раненным.

Наполеон тоже не мог и не хотел отступить от своего намерения — сначала прорвать русское построение с его левого фланга, а потом направить все усилия на центр.

На Багратионовы флеши император направил теперь уже не 130 и не 150, а 400 орудий, т. е. больше двух третей всей своей артиллерии. Велено было идти в новый общий штурм флешей. «Вот тут то и последовало важное событие, — говорит один из участников боя. — Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше по всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки». Русская атака была отброшена, и Даву отвечал контратакой. Французские гренадеры, не отстреливаясь, чтобы не терять времени, бросились на флеши. Русские пули косили их. Град картечи ударил с французской батареи в русских защитников флешей.

В этот момент в Багратиона попал осколок ядра и раздробил берцовую кость. Он еще силился скрыть несколько мгновений свою рану от войск, чтобы не смутить их. Но кровь лилась из раны, и он стал молча медленно валиться с лошади. Его успели подхватить, положили на землю, затем унесли.

Это был критический, самый роковой момент битвы. Дело было не только в том, что солдаты любили Багратиона, как никого из командовавших ими в эту войну генералов, исключая Кутузова. Они, кроме того, еще и верили в его непобедимость. «Душа как будто отлетела от всего левого фланга» после гибели этого человека, говорят нам свидетели.

В позднейшем донесении генерала Сен-При императору Александру взятие французами Багратионовых флешей и редутов тоже объясняется тяжелой раной Багратиона, вынудившей его покинуть поле сражения.

Левое крыло было сломлено. Кутузову доносили с разных пунктов битвы о тяжких потерях. Солдаты дрались с поразительной стойкостью и падали тысячами. Как и под Смоленском, раненые солдаты до последней возможности терпели муки и не уходили из строя, не слушаясь офицеров, которые отправляли их в лазарет. Командный состав ничуть не уступал в этот день солдатам.

Принц Евгений Вюртембергский, находившийся в русской армии в день Бородина, передает поразивший его случай: генерал Милорадович приказал своему адъютанту Бибикову отыскать в разгаре битвы Евгения Вюртембергского и передать, чтобы Евгений ехал к Милорадовичу. Мы знаем из всех свидетельств, что артиллерийский грохот в течение всего этого дня был ужасающий, больше, чем при Эйлау, больше, чем при Ваграме, больше, чем в любой битве, данной когда-либо Наполеоном. Даже ружейные выстрелы не были слышны и совершенно терялись в этом оглушительном орудийном громе и треске. Очевидно, Бибиков не мог прокричать Евгению то, что было велено, и для того поднял руку, показывая, где находится Милорадович. В этот момент ядро оторвало у него руку. Бибиков, падая с лошади, поднял другую руку и показал снова в том же направлении.

После взятия флешей вторым центральным моментом Бородинской битвы стала борьба за так называемую курганную батарею, или батарею Раевского, стоявшую в центре русского фронта, между левым и правым крылом. После взятия села Бородино французами русские егеря выбили их, но затем сами были выбиты. Бородино осталось за французами, и тогда вице-король Италии Евгений перешел через реку Колочу и повел атаку на большую батарею.

Эта центральная батарея Раевского уже с 10 часов утра подвергалась ряду последовательных атак.

Генерал Бонами штурмовым натиском овладел батареей Раевского, но был выбит оттуда русскими. Второй раз он овладел ею и второй раз был выбит. Начальник штаба 6-го корпуса Монахтин получил две раны штыком и успел еще крикнуть солдатам перед третьим натиском французов, указывая на батарею: «Ребята, представьте себе, что это — Россия, и отстаивайте ее грудью!». В этот момент пуля попала ему в живот, и Монахтина унесли с поля битвы. Этот полковник, тяжело раненный, прожил только несколько дней. Узнав, что Москва оставлена неприятелю, Монахтин сорвал со своих ран все повязки и вскоре скончался.

Ермолов выбил дивизию Врусье из батареи Раевского и от подступов к батарее. Раненный, исколотый штыками генерал Бонами был взят в плен. Наполеон приказал во что бы то ни стало отобрать батарею Раевского.

С двух часов дня Наполеон велел занять артиллерией те позиции вокруг Багратионовых флешей, которые были отняты французами после гибели Багратиона. Страшный артиллерийский огонь с этого пункта косил русские войска. Но никогда до этого дня русские солдаты и командиры не проявляли такого полнейшего пренебрежения к опасностям, к летавшей вокруг них и косившей их огненной смерти.

Французский огонь все более свирепел: становилось очевидно, что Наполеон решил, во-первых, добиться взятия батареи Раевского, а затем кончить дело победой в артиллерийском поединке, расстроить огнем русскую армию и обратить ее в бегство. Но ничего из этого не вышло. Русская армия отодвигалась в полном порядке.

В начале четвертого часа русские защитники батареи на три четверти были перебиты, остальные отброшены. Батарея осталась за французами. Но русские не уходили с поля битвы, и их артиллерия не умолкала.

Наступал вечер. Величайшая битва из всех данных Наполеоном шла к концу, но как назвать этот конец? Это было неясно ни Наполеону, ни маршалам. Чувство победы решительно никем из них не ощущалось. Маршалы разговаривали между собой и были недовольны. Мюрат говорил, что он не узнавал весь день императора. Ней говорил, что император забыл свое ремесло.

С обеих сторон до вечера гремела артиллерия и продолжалось кровопролитие, но русские не думали не толь-

Взошло солнце, и при дневном свете вместо зарева пожаров над городом носились клубы дыма.

Нашлись люди, которые остались в Москве и с риском для жизни решили действовать под лозунгом: «Пропадай все, но не доставайся врагу»... Но несомненно, что много пожаров возникло и при хозяйничаньи французских солдат в покинутых домах и лавках.

Пожар все разрастался. Горел весь Китай-город. К вечеру 15 сентября загорелись хлебные ссыпки на берегу Москвы-реки, а искрами от них был взорван брошенный русским гарнизоном большой склад гранат и бомб. В некоторых частях города, охваченных пламенем, было светло, как днем.

Ночью Наполеон проснулся от яркого света, ворвавшегося в окна. Император подошел к одному окну, к другому; он глядел в окна, выходящие на разные стороны, и всюду было одно и то же: нестерпимо яркий свет, огромные вихри пламени. В Кремле, где находились Наполеон со свитой и со старой гвардией, был и привезенный накануне французский артиллерийский склад. Это грозило полной и неизбежной гибелью Наполеону, его свите, его штабу и его старой гвардии. А ветер все свирепел, и направление его не менялось. Уже загорелась одна из кремлевских башен. Нужно было уходить из Кремля, не теряя ни минуты. Наполеон, очень бледный, но уже взявший себя в руки после первого страшного волнения при внезапном пробуждении, молча смотрел в окно дворца на горящую Москву и сказал: «Это они сами поджигают. Что за люди! Это скифы!». В другой раз он произнес еще: «Какая решимость! Варвары! Какое страшное зрелище!».

Свита обступила императора; маршал Мортье, делавший все возможное, чтобы отстоять Кремль, категорически заявил, что императору нужно немедленно уходить из Кремля, иначе ему грозит смерть от огня. Наполеон медлил. Еще накануне, войдя впервые во дворец, он сказал, обращаясь к свите: «Итак, наконец, я в Москве, в древнем дворце царей, в Кремле!». Он знал значение Кремля в русской истории и не хотел покидать его, только сутки, да и то неполные, пожив в нем. Но рассуждать было нельзя: пожар с каждой минутой грозил объять дворец и отрезать все выходы. Стало светать, а положение все ухудшалось, уже дышать становилось трудно от гари и дыма, отовсюду проникавшего во дворец. «Какая свире-

пая решимости! — повторял Наполеон. — Какой народ! Какой народ!»

Маршалы и свита единодушно возобновили свои просьбы, чтобы император немедленно покинул дворец. Со всех сторон доносились громкие крики: «Кремль горит!». Император решил перейти в Петровский дворец, тогда стоявший еще вне городской черты, среди чащи и пустырей.

Он вышел из дворца в сопровождении свиты и старой гвардии, но чуть было все не погибли при этой попытке спасения. Вот показание одного из сопровождавших императора — графа Сегюра: «Нас осаждал океан пламени. Пламя забирало перед нами все выходы из крепости и отбрасывало нас при первых наших попытках выйти. После нескольких нащупываний, мы нашли между каменных стен тропинку, которая выходила на Москва-реку. Этим узким проходом Наполеону, его офицерам и его гвардии удалось ускользнуть из Кремля. Но что они выиграли при этом выходе? Оказавшись ближе к пожару, они не могли ни отступить, ни оставаться на месте. Но как идти вперед, как броситься в волны этого огненного моря? Те, которые пробегали по городу, оглушенные бурей, ослепленные пеплом, не могли распознать, где они, потому что улицы исчезали под дымом и развалинами. Однако, приходилось спешить. С каждым мигом вокруг нас возрастал рев пламени. Единственная извилистая и кругом пылающая улица являлась скорее входом в этот ад, чем выходом из него. Император, не колеблясь, пеший, бросился в этот опасный проход. Он шел вперед сквозь вспыхивающие костры, при шуме трескающихся сводов, при шуме от падения горящих бревен и раскаленных железных крыш, обрушивающихся вокруг него. Эти обломки затрудняли его шаги... Мы шли по огненной земле, между двумя стенами из огня. Пронизывающий жар жег нам глаза, которые, однако, приходилось держать открытыми и устремленными на опасность. Удушающий воздух, пепел с искрами, языки пламени жгли нас со всех сторон, дыхание наше становилось прерывистым, сухим, коротким, и мы уже почти задохнулись от дыма...».

Император переселился в Петровский дворец. Еще двое суток, 17-го и 18-го, бушевал пожар, уничтоживший около трех четвертей города. Пожары продолжались, и собственно редкий день пребывания французов в Москве обходился совсем без пожаров. Наполеон все время был

в самом мрачном состоянии духа. Он ясно понял, что теперь заключить мир с царем будет еще труднее, чем было до сих пор. Он еще не знал тогда, что мир с Россией для него не только труден, но невозможен и что война, которую он считал со взятием Москвы оконченной, для русского народа после гибели Москвы еще только начинается.

Сейчас же после пожара Москвы у Наполеона на первый план выступают две задачи: первая и самая важная — непременно добиться здесь же, в Москве, мира; вторая — предохранить от окончательного разграбления солдатами то, что еще из съестных запасов и одежды могло уцелеть в Москве от пожара, и вместе с тем спасти расшатанную дисциплину в пестрой по составу армии. Обе задачи оказались совершенно невыполнимыми.

Пожар уже утихал в некоторых частях города (в центре), но еще свирепствовал на окраине, когда Наполеон переехал из Петровского дворца обратно в Кремль. Тут ему в самый день возвращения в Кремль сообщили, что генерал-майор Тутолмин, начальник Воспитательного дома, просит поставить стражу возле этого учреждения для охраны оставшихся в Москве питомцев. Совершенно неожиданно Наполеон не только удовлетворил ходатайство Тутолмина, но и велел пригласить его в Кремль. Он повел с ним такой разговор: «Я бы желал поступить с вашим городом так, как я поступал с Веной и Берлином, которые и цоныне не разрушены, но россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами хотели предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков...». Так рассказывает о своей беседе с Наполеоном Тутолмин. В разговоре Наполеон был очень милостив. Тутолмин на вопрос императора, не желает ли он еще о чем-нибудь просить, попросил позволения написать рапорт императрице, высшей начальнице всех воспитательных домов в России. Наполеон не только позволил, но еще предложил Тутолмину добавить, что он, Наполеон, почитает по старому Александра и желал бы заключить мир. Тутолмин все это написал в тот же день и отправил с чиновником своего ведомства, которого по именному повелению императора пропустили через передовые посты французской армии.

Уже эта первая попытка заключить мир была совсем не похожа на обычный образ действий Наполеона и уже

она одна давала понять, что Наполеон чувствует себя не весьма уверенно.

Вторая попытка была сделана Наполеоном, когда еще невозможно было даже по расчету времени надеяться получить ответ от Александра: ровно через два дня после беседы с Тутолминим. В Москве случайно застрял богатый московский барин Яковлев (отец А. И. Герцена). Семья очутилась в трудном положении, и Яковлев обратился за покровительством к маршалу Мортье. Маршал был знаком с Яковлевым по Парижу и доложил о нем Наполеону; тот велел Яковлеву явиться. Наполеон сначала было отказал Яковлеву в пропуске. Но когда тот стал настойчиво просить, Наполеон подумал и вдруг спросил: «Возьметесь ли вы доставить императору [Александру] письмо от меня? На этом условии я велю вам дать пропуск со всеми вашими». — «Я принял бы предложение вашего величества, но мне трудно ручаться». — «Даете ли вы честное слово, что употребите все средства лично доставить письмо?» — «Обязуюсь своею честью, государь». — Наполеон написал 20 сентября письмо Александру, и Яковлев повез его. Это письмо было доставлено по адресу. Не будучи прямым предложением мира, на деле оно являлось сплошным предложением мира.

Как на донесение Тутолмина, так и на это личное письмо Наполеона Александр не ответил.

Прошло две недели. 5 октября утром на русских аванпостах появился под белым флагом французский офицер с извещением, что прибыл генерал маркиз Лористон, желающий иметь свидание с фельдмаршалом Кутузовым. В беседе с Кутузовым Лористон заявил, что Москву сожгли не французы. Русский полководец ответил, что он это знает, что это было сделано самими русскими, которые ценят Москву не более всякого иного города в империи. Лористон сказал: «Вы не должны думать, что дела наши в отчаянном положении; армии наши почти равны». Когда Кутузов сказал Лористону, что русский народ смотрит на французов как на татар, вторгшихся под начальством Чингис-хана, а Лористон ответил: «однако есть же некоторая разница», то фельдмаршал возразил, что русский народ никакой разницы не усматривает. С этим впечатлением и с сознанием полной бесплодности своей поездки Лористон и вернулся в Кремль к Наполеону. И все-таки Наполеону так хотелось подписать мир именно в Москве, со-

храня позу победителя, что он решил поторопить Александра с ответом: 20 октября, т. е. через пятнадцать дней после беседы Лористона с Кутузовым, к фельдмаршалу был послан из французского лагеря полковник Бертэми с письмом от начальника императорского штаба — маршала Бертье. Бертье спрашивал, получен ли ответ от царя, и снова говорил о «восстановлении порядка», т. е. о мире. Кутузов ответил Бертье собственноручным письмом, в котором указывал на расстояния и трудности осеннего пути, задерживающие ответ Александра. Кутузов прибавил: «трудно остановить народ, раздраженный всем, что он видел, народ который уже триста лет не знал войны внутри государства, который готов пожертвовать собой за отечество и не делает различий между тем, что принято, что не принято в обыкновенных войнах».

Собственно, в эти дни, от 6 октября, когда вернулся в Москву Лористон, до 14 октября, когда Наполеон уже начал делать распоряжения, ясно говорящие о близкой эвакуации, он уже вовсе не ждал ответа из Петербурга, да и не мог ответ прибыть раньше 18—19—20 числа в лучшем случае. Император был раздражен. Целыми ночами он шагал по Кремлю, говорил о всевозможных новых планах, и признавался графу Дарю в истинной причине своих колебаний. Как уйти? Как начать отступление ему, привыкшему только наступать и завоевывать?

Дарю был того мнения, что нужно превратить Москву в укрепленный лагерь, зимовать здесь, подождать весной подхода подкреплений из Франции и Европы и возобновить тогда военные действия. Но маршалы были против этого плана и Наполеон тоже.

14 октября Наполеон приказывает Бертье, чтобы тот повторил приказ императора: не пропускать дальше Смоленска ни одного французского артиллерийского парка, который откуда бы то ни было отправлялся в распоряжение Великой армии, и чтобы, начиная с 17 октября, ни один артиллерийский или кавалерийский отряд не направлялся бы в Москву, а оставался бы в Можайске, в Гжатске, в Вязьме (где застанет приказ). «Армия займет другое положение», — говорилось в приказе.

Раненых уже несколько дней подряд эвакуировали из Москвы в Можайск. 18 октября 1812 года Наполеон производил во дворе Кремля смотр дивизиям корпуса маршала Нея. Вдруг отдаленный грохот артиллерии поразил

императора. Спустя короткое время примчавшийся адъютант сообщил, что внезапно Кутузов вышел из Тарутина, напал на Мюрата и нанес ему поражение.

Гром пушек, донесшийся до Наполеона, в самом деле шел из расположения авангарда французской армии, стоявшего у реки Чернишны и находившегося под общим командованием короля неаполитанского Мюрата. Стоял этот авангард тут долго, с 24 сентября, в полном бездействии. Было у Мюрата, в общем, около 20—22 тысяч человек. Ни Кутузов его не трогал, ни Мюрат не предпринимал движения против Тарутина. С самого приезда Лористона, что было учтено как явный признак худого положения французской армии, генералы Беннигсен, Ермолов, Багговут, Платов не переставали просить Кутузова позволить им произвести нападение на отряд Мюрата. Кутузов не хотел сражения, даже второстепенного, но уступил, явно решив уже наперед не дать этой стычке развиться в большую битву. 16 октября Кутузов рассмотрел диспозицию боя, составленную квартирмейстером Толем, и утвердил ее. Нападение на Мюрата было назначено на 17 октября: утром Кутузов никого на назначенных местах не нашел. Раздраженный вообще тем, что его заставляют делать ненужное, по его мнению, дело, Кутузов пришел в полное бешенство. Он разругал попавшихся ему двух офицеров последними словами. Ермолова Кутузов распорядился исключить со службы, но, когда гнев прошел, он отменил свое решение.

На другой день, 18 октября, генерал Багговут атаковал левый фланг Мюрата, а Орлов-Денисов — правый фланг. Общее руководство битвой взял на себя Беннигсен. Кутузов не показывался. Первый кавалерийский налет Орлова-Денисова был удачен, французы были опрокинуты, захвачены были орудия. Однако французы успели оправиться и встретили убийственным огнем два полка пехоты егерей. При этом был убит и генерал Багговут, командовавший ими. Беннигсен, полагая, что у него под руками недостаточно войск, чтобы с надеждой на успех ударить на французов, попросил Кутузова дать ему помощь, но фельдмаршал отказал, и никакие просьбы Ермолова, Коновницына, Милорадовича не помогли. Мюрат отступал медленно и в порядке за речку Чернишну, к Спас-Купле, отстреливаясь от преследовавшего его Орлова-Денисова.

Дело окончилось без какого-либо очень решительного результата, и все свелось к первоначальному успеху русских.

Сражение 18 октября, почему-то получившее название Тарутинского, — хотя село Тарутино оставалось далеко к югу от места боя, — кончившееся таким незначительным чисто военным результатом, имело большие политические и моральные последствия. В моральном отношении оно подняло дух русской армии; оно было первым чисто наступательным сражением за всю войну, притом успешным для русской стороны. В политическом отношении оно явилось последним, решающим толчком, заставившим Наполеона, наконец, уйти из Москвы.

Наполеоном это дело было истолковано так: Кутузов чувствует себя достаточно сильным, и поэтому следует идти на юг раньше, чем русский главнокомандующий заградит туда дорогу.

В ночь на 19-е началось выступление французской армии из Москвы. Тянулись не только 100 тысяч войска (гарнизон Мортье в 8 тысяч человек оставался 19-го в городе), но и бесконечные фуры, телеги, переполненные доверху возы награбленного и увозимого из Москвы добра; шли пешком и ехали в экипажах тысячи всякого люда — иностранцев с женами и детьми, оставшихся при вступлении французов и теперь уходивших, опасаясь мести со стороны русских.

Император шел на Калугу и вел армию прямо на Красную Пахру, подбирая по пути остатки отряда Мюрата. С дороги он послал приказ Мортье тотчас после взрыва Кремля выйти из Москвы и присоединиться к армии.

Выступление французских войск продолжалось 20 и 21 октября. 21-го же начались кремлевские взрывы, от которых в Москве затряслась земля. Взлетели на воздух здание Арсенала, часть кремлевской стены, начались пожары в Грановитой палате, в соборах, разрушены были частично Никольская башня и башни, выходящие в сторону реки. К счастью, дождь подмочил фитили, и взрывы не принесли всего того вреда, какой мог произойти по расчетам Наполеона. Взрывы были такой силы, что рушились стены построек не только в ограде Кремля, но и за Кремлем. Иван Великий уцелел случайно: подмокли фитили в заложенной mine.

Кремль и площадь возле Кремля после каждого взрыва долго оглашались вошлями и стонами израненных, полужадавленных, насмерть перепуганных людей.

Взрывы продолжались. В ночь с 22 на 23-е они были так сильны, что в Китай-городе обвалились некоторые здания и даже на далеком расстоянии не только выбило в окнах стекла, но рушились и рамы.

Последний взрыв кремлевских стен произошел на рассвете 23-го, и спустя несколько часов последние отряды маршала Мортье оставили город.

Взрывы не были слышны в далеком русском лагере, но их слышали казацки разьезды, давно уже украдкой рыскавшие вокруг Москвы.

22 октября прапорщик Языков с казачьим отрядом пробирался близ Москвы с целями разведки. Услышав страшный грохот и треск, донесшийся из города, Языков решил на очень рискованный поступок: проникнуть в город, насколько будет возможно, чтобы узнать о причине.

Маленький отряд казаков въехал в Москву. Мертвое молчание поразило их. Не видя французов и ни души на улицах, они постепенно продвинулись к самому Кремлю, и тут они первые в России узнали потрясающую новость: Наполеон ушел.

VI

ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ

Бесконечной пестрой рекой текла из Москвы стотысячная наполеоновская армия с артиллерией и зарядными ящиками. Колоссальные обозы отдельных частей этой армии, кареты, возы, телеги с награбленным добром, принадлежавшие маршалам, генералам, офицерам, рядовым солдатам, и снова армейские казенные обозы и снова артиллерийские парки длинной лентой растянулись по дороге.

Когда после взрыва Кремля и поджога еще нескольких уцелевших зданий французские войска выходили из Москвы, — на шесть миль вокруг города «все горело, земля и небо казались в огне», — говорит участник похода. Непрерывный и необъятный пожар несколько ночей подряд освещал дорогу наполеоновской армии. Зарево было и позади, и впереди, и по обеим сторонам большой Калужской дороги. Солдатам все время казалось, что горящее

красное небо начинает опускаться на пламенеющие поля, леса, деревни, далекие церковные колокольни.

Знали, что Наполеон недоволен тем, что армия увозит с собой такую колоссальную массу дорогих, но ненужных для похода ценностей, и поэтому старались прикрыть ковры, драгоценные ткани, золотые и серебряные вещи корзинами, тюками с хлебом, мукой, отрубями и т. д. Но как раз такого рода предметы были крайней редкостью. Наполеон угадывал, конечно, эту маскировку, но он не решился тогда приказать бросить награбленные ценности тут же, в Москве, и лишить полуголодных солдат утешительного сознания, что они хоть со временем кое-чем вознаградят себя за все свои страдания. Они тогда еще не знали, что большинству из них придется оставить в России не только московскую добычу, но и свою жизнь. Наполеон шел на Калугу с тем, чтобы оттуда повернуть на Смоленск. Почему Смоленск был для него таким обязательным этапом? Почему он решил не идти в южные, богатые губернии России?

Дело в том, что у Наполеона по смоленско-минско-виленской дороге были гарнизоны, были продовольственные склады и запасы, эта дорога была подготовленной, а на всем юге России у него ровно ничего приготовлено не было. Как бы ни были эти места «богаты», «хлебородны» и пр., все равно невозможно было организовать немедленно продовольствие для 100 тысяч человек, быстродвигающихся компактной массой в течение нескольких недель подряд.

Но, выходя из Москвы, Наполеон твердо решил идти на Смоленск не старой дорогой, а новой, через Калугу, потому что до Смоленска у него никаких складов все равно не было и этот старый тракт Москва—Смоленск был разорен дотла. При выборе между двумя дорогами, где у него одинаково не было складов, но из которых на одной (Москва—Калуга—Смоленск) еще были «нетронутые деревни» (выражение маршала Даву), а другая была сплошной выжженной пустыней, Наполеон, конечно, остановился на Калужской дороге. «Идем в Калугу! И горе тем, кто станет на моем пути!» — таковы были его слова, когда 19 октября он выводил свою армию из Москвы.

Это обстоятельство подчеркивает значение проведенного Кутузовым знаменитого марш-маневра на Тарутино: без этого маневра Кутузов не мог бы потом поставить

перед Наполеоном южнее Малоярославца непреодолимый заслон, заградивший французам путь в Калугу.

С момента получения известия, что Наполеон вышел из Москвы, Кутузов считал (и говорил), что Россия спасена. Его армия увеличивалась рекрутскими наборами, подходом подкреплений — и уже к середине октября была равна 85 тысячам человек, не считая казаков. Армия Наполеона пополнений имела гораздо меньше.

22 октября в Тарутине, в главной квартире Кутузова, было получено в 11 часов вечера известие с примчавшимся верховым от Дохтурова, что Наполеон идет на Малоярославец, но Кутузов медлил явиться на помощь Дохтурову. Под Малоярославцем Кутузов вел ту же тактику, как за шесть дней до того под Тарутиным. Конечно, он знал, что пустить Наполеона в Калугу нельзя. Овладев Калугой и забрав все, что там было заготовлено для русской армии, Наполеон в гораздо лучших условиях мог бы достигнуть Смоленска, и дорога Калуга — Смоленск несравненно лучше сохранила бы французское войско, чем дорога Москва — Смоленск.

Дохтуров по приказу Кутузова от 22 октября должен был идти к селу Фоминскому и напасть на французский отряд, который, по показаниям лазутчиков, достигал 10 тысяч человек. Но уже по пути туда Дохтуров узнал новые поразительные вести: во-первых, в Фоминском и около Фоминского не 10 тысяч, а громадная армия, едва ли не вся французская армия с Наполеоном во главе; во-вторых, французы уже заняли Боровск, т. е. город гораздо южнее Фоминского, по прямой дороге на Калугу. Значит, нужно было как можно поспешней, бросив направление на Фоминское, круто повернуть к югу и даже не на Боровск уже, а южнее Боровска и спешить к городу Малоярославцу, который находится между Боровском и Калугой; если провести прямую линию между Боровском и Калугой, то Малоярославец окажется приблизительно на одной трети этой линии к югу от Боровска и в двух с лишком третях этой линии к северу от Калуги. Ясно было, что нужно спешить к Малоярославцу наперерез Наполеону, пока он еще туда идет из Боровска. Но Дохтуров боялся Кутузова и послал к фельдмаршалу нарочного с этими новыми известиями и с просьбой о дозволении идти к Малоярославцу. Пока нарочный мчался к главнокомандующему и обратно, было упущено много вре-

мени. Шли всю ночь с малым роздыхом, но когда в четыре часа утра 23 октября русские егеря подошли к городу, к нему уже приближалась и сейчас же выбила егерей из предместья вся армия Наполеона. Восемь раз в этот день Малоярославец при неумолкавшей канонаде с двух сторон переходил из рук в руки. То русские французов, то французы русских штыковым боем выбивали из позиций и гнали из города. Дохтуров уже погибал, когда в два часа дня к нему на помощь подошел Раевский со своим корпусом, а в четыре часа дня сам Кутузов со всей русской армией. Кутузов обошел город и занял позицию на дороге из Малоярославца в Калугу. Наступал вечер, французы, овладев при восьмом штурме городом, ждали генеральной битвы. Канонада умолкла. Город горел.

Всю эту страшную ночь, глядя на зарево горевшего города, слушая несущиеся оттуда вопли раненых, крики французской армии и кое-где внезапно начинавшуюся и обрывавшуюся ружейную пальбу, русская армия ждала на другой день нового Бородина, потому что присутствие здесь, в Малоярославце и около него, всей Великой армии и самого Наполеона уже стало несомненным фактом. И вдруг 25-го рано утром последовал приказ фельдмаршала отступить от Малоярославца к югу на 2 $\frac{1}{2}$ версты. Для Кутузова единственно важным было освободить Россию, принеся наименьший ущерб русской армии.

Авангард Милорадовича отошел от города на самое ничтожное расстояние. Наполеон видел, что ему предстоит, если он попрежнему намерен прорваться к Калуге, принять генеральный бой, не меньший по размерам, чем Бородинский. И он не решился.

В первый раз в своей жизни Наполеон отступил от ждавшей его генеральной битвы. В первый раз за эту кровавую русскую кампанию он повернулся спиной к русской армии, решился перейти из позиции преследующего в позицию преследуемого.

Еще вечером 24 октября на военном совете, в избе, откуда виден был горевший Малоярославец, Наполеон молча выслушивал мнения собранных им маршалов. Бессьер настаивал на невозможности атаковать Кутузова в занятой им позиции. «И какая позиция! Только что мы узнали ее силу. И против каких врагов! Разве мы не видели вчерашнего поля битвы, разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одетые,

шли там на смерть». Бессьер решительно советовал отступить, не принимать боя со всей армией Кутузова, загордившей путь от Малоярославца к Калуге.

И Наполеон последовал его совету.

От самого Малоярославца до Смоленска отступающая французская армия, проходя разоренными, погорелыми городами и деревнями, сжигала все, что еще пока цело.

Уже в самом начале отступления из Москвы французская армия жила впроголодь. Она шла в Смоленск по дороге, «уже за три месяца перед тем опустошенной», как пишет один из участников похода. Постепенно голод начинал приобретать катастрофические размеры. Именно голод, а не мороз быстро разрушал наполеоновскую армию на пути от Малоярославца до Смоленска.

Дисциплина в чисто французских частях пока еще держалась. Но в немецких и итальянских, а отчасти польских отрядах упадок дисциплины проявлялся уже в самых грозных симптомах.

Между тем народная война, до сих пор олицетворяемая действиями регулярной армии и неорганизованными выступлениями крестьян, отныне приняла еще новую форму, форму партизанского движения.

Вот как оно началось.

Еще за пять дней до Бородина к князю Багратиону явился подполковник Денис Давыдов, прослуживший у князя пять лет адъютантом. Он изложил ему свой план, заключавшийся в том, чтобы, пользуясь колоссально растянутой коммуникационной линией Наполеона — от Немана до Гжатска и далее Гжатска, в случае дальнейшего движения французов, — начать постоянные нападения и внезапные налеты на эту линию, на склады, на курьеров с бумагами, на обозы с продовольствием. Небольшие конные отряды, сделав свое дело, скроются от преследования впредь до нового случая. Кроме того, такие отряды партизан могли бы стать опорными пунктами для сосредоточения и вооружения крестьян. Кутузов, которому Багратион доложил об этом плане, разрешил дать Денису Давыдову 50 гусар и 80 казаков. И он пустился в путь, обходя Великую армию в тылу Наполеона. Таково было очень скромное и пока совсем неприметное начало партизанской войны, бесспорно сыгравшей свою роль в истории 1812 года и именно во вторую половину войны. И не только кадровые

офицеры становились организаторами партизанских отрядов. Можно, например, рассказать такой случай.

31 августа 1812 года русский арьергард стал отходить с боем из Царева-Займища, куда уже входили французы. Под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь, и всадник попал в плен. В Гжатске Четвертакову удалось бежать от конвоя, и он явился в деревню Басманы, лежащую далеко к югу от столбовой Смоленской дороги, по которой шла французская армия. Здесь у Четвертакова возникает план той самой партизанской войны, который в те же дни возник и у Давыдова: Четвертаков решил собрать из крестьян партизанский отряд.

Крестьяне деревни Басманы отнеслись к нему недоверчиво, и он нашел лишь одного приверженца. Вдвоем они пошли в другую деревню. По пути они встретили двух французов, убили их и переоделись в их платье. Встретив затем (уже в деревне Задково) двух французских кавалеристов, они и тех убили и забрали их лошадей. Деревня Задково выделила в помощь Четвертакову 47 крестьян. Затем маленький отряд под предводительством Четвертакова перебил сначала партию французских кирасир численностью в 12 человек, потом отчасти перебил, отчасти обратил в бегство французскую полуроту численностью в 59 человек, отобрал экипажи. Эти успехи произвели громадное впечатление, и уже теперь деревня Басманы дала Четвертакову 253 человека добровольцев. Четвертаков, неграмотный человек, оказался прекрасным организатором, тактиком и стратегом партизанской войны. Тревожа неприятеля внезапными нападениями, умно и осторожно выслеживая небольшие партии французов и молниеносными нападениями истребляя их, Четвертаков сумел отстоять от мародерских грабежей громадную территорию вокруг Гжатска. Четвертаков действовал беспощадно, да и ожесточение крестьян было таково, что едва ли можно было бы их удержать.

Партизаны принесли очень большую и несомненную пользу, начиная с середины сентября и кончая Березиной, т. е. концом ноября. Они были великолепными и часто безумно смелыми разведчиками. Фигнер, например, ездивал во французский лагерь во французском мундире и проделывал это не раз. Сеславин однажды подкрался к французскому унтер-офицеру, взвалил его к себе на седло и

привез в русскую ставку. Давыдов с партией в 200—300 человек наводил панику и, обращая в бегство отряды в пять раз большие, забирал обоз, отбивал русских пленных, иногда захватывал орудия. Крестьяне гораздо легче и проще сходились и сносились с партизанами и их начальниками, чем с регулярными частями армии.

Особенно важна была для партизан помощь крестьянства в самом начале партизанщины. Крестьяне Бронницкого уезда Московской губернии, крестьяне села Николы-Погорелого близ города Вязьмы, бежецкие, дорогобужские, серпуховские крестьяне принесли весьма существенную пользу партизанским отрядам. Они выслеживали отдельные неприятельские партии и отряды, истребляли французских фуражиров и мародеров, с полной готовностью доставляли в партизанские отряды продовольствие людям и корм лошадям. Без этой помощи партизаны не могли бы и вполнину добиться тех результатов, которых они на самом деле добились.

Потом началось отступление Великой армии, и началось оно с бессмысленного взрыва Кремля, что довело до бешенства гнев возвращающегося в Москву народа, нашедшего весь город в развалинах. На этот заключительный акт — взрыв Кремля — посмотрели как на злобное издевательство. Отступление сопровождалось планомерным, по приказу Наполеона, сожжением и городов и сел, через которые двигалась французская армия. В Вязьме были найдены русские пленные, запертые французами в собор, который был подожен и лишь случайно не сгорел. Озлобление русского народа против французов все возрастало.

Действия крестьян не ограничивались только помощью партизанским отрядам, поимкой и истреблением мародеров и отсталых, не ограничивались борьбой с фуражирами и уничтожением их, хотя, заметим, это-то и было наиболее страшным, уничтожающим ударом, который нанесли русские крестьяне Великой армии, заморив ее голодом. Герасим Курин, крестьянин села Павлова (близ города Богородска) составил отряд крестьян, организовал их, вооружил отнятым у убитых французов оружием и вместе со своим помощником, крестьянином Стуловым, повел свой отряд на французов и в бою с французскими кавалеристами обратил их в бегство.

Старостиа Василиса (Сычевского уезда Смоленской губернии), бравшая в плен французов, лично перебившая

вилами и косою немало французских солдат, нападавшая, как о ней рассказывали, на оставшие части обозов, не была исключением. Участие женщин в народной войне отмечается всеми источниками.

Но, конечно, чаще всего действия крестьян ограничивались организацией слежки за неприятелем, обороной своих деревень и целых волостей от нападения французов и мародеров и истреблением нападающих. И это было бесконечно губительнее для французской армии, чем любые, даже самые для крестьян удачные налеты. Русские крестьяне, ожесточенно борющиеся с врагом, нанесли страшный удар отступающей Великой армии, окружили ее плотной стеной непримиримой ненависти и подготовили ее конечную гибель.

Партизанская война, крестьянская активная борьба, казачьи налеты — все это при усиливающемся недоедании, при ежедневном падеже лошадей заставляло французов бросать по дороге пушки, бросать часть клади с возов, а главное — бросать больных и раненых товарищей на лютую смерть, ожидавшую их, если только им не посчастливилось попасть в руки регулярной русской армии. Изнуренные небывалыми страданиями, полуголодные, ослабевшие войска шли, обозначая свой путь трупами людей и лошадей.

Около Можайска отступающая армия проходила мимо громадной равнины, пересеченной оврагом и речкой, с небольшими холмами, с развалинами и почернелыми бревнами двух деревень. Вся равнина была покрыта гниющими, разложившимися трупами людей и лошадей, исковерканными пушками, ржавым оружием. . . Солдаты французской армии не сразу узнали страшное место. Это было Бородино с его все еще не похороненными мертвецами. Ужасающее впечатление производило теперь это поле великой битвы. Шедшие на мучительные страдания и смерть в последний раз взглянули на уже погибших товарищей.

Император с гвардией шел в авангарде. 8 ноября он вступил в Смоленск. Армия входила вслед за ним частями с 8 по 15 ноября. В течение всего этого бедственного пути от Малоярославца до Смоленска все упования и самого Наполеона и его армии связывались со Смоленском, где предполагались продовольственные запасы и возможность сколько-нибудь спокойной стоянки и отдыха для замученных голодных людей и лошадей. Фельдмаршал Кутузов двигался южнее, по параллельной линии, с поражавшей

французов медленностью. Это «параллельное преследование», задуманное и осуществленное Кутузовым, и губило вернее всего наполеоновскую армию. Французский штаб этого, конечно, тогда не знал. Казалось, в Смоленске будет хороший отдых, солдаты смогут прийти в себя, опомниться от перенесенных ими страшных страданий, но оказалось другое. В мертвом, полуразрушенном, полусгоревшем городе отступающую армию ждал удар, сломивший окончательно дух многих ее частей: в Смоленске почти никаких припасов не оказалось.

С этого момента отступление окончательно стало превращаться в бегство, а все, что было перенесено от Малоярославца до Смоленска, должно было побледнеть перед той бездной, которая разверзлась под ногами Великой армии уже после Смоленска и которая ее поглотила почти целиком.

Наступали последние дни кровавой борьбы. От 17 ноября, когда французская армия тронулась из Смоленска, до вечера 14 декабря 1812 года, когда маршал Ней, во главе нескольких сот боеспособных солдат и нескольких тысяч безоружных, раненых, больных, с боем, преследуемый Платовым, перешел последним из французов через Неман и вышел на прусский берег, длилась агония наполеоновской армии.

Как уже сказано, в Смоленске не оказалось почти ничего из тех обильных запасов, на которые французы рассчитывали. Лошади пали почти все, потому что ни в Смоленске, ни вокруг Смоленска никакого фуража достать было невозможно. Скот, который был в свое время доставлен, съели те маршевые батальоны, которые с августа до начала октября проходили через Смоленск на подкрепление Великой армии, стоявшей в Москве. И все-таки, если бы армия, придя в Смоленск, была хотя бы отдаленно похожа на ту армию, с которой Наполеон делал свои прежние походы, смоленских запасов хватило бы, — правда, на очень и очень скудные рационы, но хватило бы на 15—20 дней по крайней мере. Однако пестрая, разноязычная масса голодных, озлобленных, совсем чужих друг другу людей, уже чующая над собой смертельную опасность, вступив в Смоленск, повела себя так, что и речи не могло быть о сколько-нибудь правильной, организованно проведенной выдаче рационов. Гвардия получала все, в чем нуждалась, и в таком изобилии, о котором остальные части

не смели и думать. Озлобление против гвардии, вызванное завистью, охватывало все другие части армии, но так как гвардейцы сохранили полностью дисциплину, исправное оружие и товарищескую прочную связь, то вступать с ними в борьбу не приходилось; зато другие части, потеряв всякое чувство дисциплины, бросились, как голодные дикие звери, на склады, разбили и растащили все, что там нашли, и никакие угрозы и окрики начальства не могли ничего с ними поделать.

Смоленские магазины перестали существовать чуть ли уже не на третий день. Дисциплина падала с ужасающей быстротой, озверение голодных германских, польских, итальянских солдат, а также уже и некоторых частей чисто французских (чего еще в Москве не замечалось) дошло до неслыханной степени.

14 ноября, после пятидневного пребывания в Смоленске, Наполеон с гвардией вышел из города по направлению к Красному. За ним шли остатки корпусов вице-короля Евгения, Даву, Мюрата. За всей этой армией шел арьергард под начальством маршала Нея, а за Неем шли русские. Приближались дни, когда Нею суждено было спасти отчаянной борьбой и искусным маневрированием как самого Наполеона, так и те 30—35 тысяч бойцов и 30 тысяч больных, почти безоружных, усталых, уже негодных к серьезному бою солдат, которые плелись за вышедшей из Смоленска армией, направляясь вместе с ней через Красное в Дубровну и Оршу.

Положение Кутузова в тот момент, когда русская армия, задерживаемая арьергардом маршала Нея, с боем приближалась к Красному, было, конечно, гораздо лучше, гораздо тверже, чем после сдачи Москвы и даже после Тарутина и Малоярославца. Победа над Наполеоном обозначилась уже вполне. Вторгшаяся армия, страшно уменьшенная, спешила поскорее выбраться из России, и все ее желания были устремлены лишь на то, как бы добраться до границы, не погибнуть от голода и холода. Но, с другой стороны, Кутузову становилось все труднее вести свою стратегическую линию, выпроваживая Наполеона из России без ненужных кровопролитных сражений. Кутузов явно не верил в возможность для Наполеона полностью сохранить свою мировую империю после поражения в России и тратить русскую кровь для достижения этого и без того неизбежного результата не желал. Но царь, который

вообще никогда не верил ни одному слову Кутузова, по-давно не верил ему теперь, когда со всех сторон говорили о непонятной нерешительности и «трусости» фельдмаршала.

Ней, командир арьергарда, покинул Смоленск последним — 17 ноября. У него было около 7—8 тысяч бойцов, небольшой отряд кавалерии (400—500 человек), и за ним тянулась безоружная масса больных и раненых (еще около 8 тысяч человек). Орудий у маршала было 12.

Бои затягивались под Красным оттого, что Наполеон все ждал, когда подойдет арьергард, но когда стало ясно, что Ней не выбраться уже из кольца русских войск, Наполеон махнул рукой на все, связанное с арьергардом, и отступил в Оршу. Уже войдя в Оршу, диктуя приказы, подсчитывая войска, Наполеон не переставал говорить о Нее, о своем «храбрейшем из храбрых», как он его называл. Гибель маршала Нейя с его 7—8 тысячами арьергарда казалась несомненной.

18 ноября Ней, еще не зная, что Наполеон уже ушел из Красного, пытался с боем прорваться сквозь соединенные русские силы, но был отброшен. Русские были в тылу, русские открыли артиллерийский огонь с флангов. Впереди был лес, запорошенный снегом, без дорог, за лесом — Днепр. Ней был сдавлен со всех сторон... Тогда он сказал своим генералам: «Продвигаться сквозь лес! Нет дорог? Продвигаться без дорог! Итти к Днепру и перейти через Днепр! Река еще не совсем замерзла? Замерзнет! Марш!». Около трех тысяч человек пошло за ним. Ней дошел до реки. Тонкий, хрупкий лед покрывал поверхность Днепра. «Вперед!» крикнул маршал и первым ступил на ненадежный лед.

Он перешел Днепр, потеряв из 3 тысяч солдат и офицеров 2200 человек. Те, кто уцелели, рассказывали о том, как многие их товарищи провалились в полыньи и исчезли подо льдом на их глазах. «Думали ли мы тогда, что еще позавидуем много раз тем, кто уже успокоился на дне Днепра?» — говорит один из солдат наполеоновской армии, переходивший Днепр с маршалом Неем.

Второй этап отступления ведь еще только начинался...

20 ноября Наполеон выступил из Орши. Уже на третий день после выхода оттуда передовые разъезды его авангарда увидели перед собою мутную полосу воды. Перед ними простиралась довольно широкая река с очень илистыми берегами, еще не замерзшая, однако уже катившая

первые небольшие льдины, — река, переправа через которую была бы нелегка даже и в обычное время, а при начавшемся замерзании делалась еще труднее.

Это была Березина. Наполеон со своей гвардией приближался к смертельно опасному барьеру, который нужно было непременно взять или погибнуть.

VII

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГИБЕЛЬ АРМИИ НАПОЛЕОНА

Еще 16 ноября город Минск, где огромные продовольственные и боевые запасы ждали Наполеона, был занят русскими войсками — авангардом армии Чичагова. Наполеон узнал об этом через два дня, 18 ноября, еще до вступления в Оршу. Вскоре затем Наполеона поразила весть, что Чичагов занял уже и Борисов. С этого момента Наполеон срочно рассылает приказы своим генералам, чтобы они как можно больше сил сосредоточили около Борисова, торопясь этим обеспечить себе переход по борисовскому мосту на правый берег Березины.

25 ноября рядом искусных маневров и демонстраций Наполеону удалось отвлечь внимание Чичагова к Борисову и к югу от Борисова, и пока Чичагов стягивал туда свои силы, король неаполитанский Мюрат, маршал Удино и два инженерных генерала поспешно строили два моста у Студянки.

В ночь с 25 на 26 ноября в Студянку вступила императорская гвардия, а на рассвете появился и Наполеон. Он приказал немедленно начать переправу. Под руками у него было в ту минуту всего 19 тысяч бойцов. Переправа шла уже при перестрелке с отрядом генерала Чаплица, который первый заметил, что Наполеон уводит куда-то от Борисова свои войска. Наполеон велел занять прочно оба берега у наведенных мостов через Студянку. Весь день 26 ноября к нему подходили войска. В ночь с 26-го на 27-е Наполеон велел переправиться на правый берег маршалу Нею с остатками его корпуса и со всей молодой гвардией. Всю ночь и все утро 27 ноября продолжалась переправа, и французские батальоны один за другим переходили на правый берег. Во втором часу дня 27 ноября двинулась

старая гвардия с Наполеоном. За старой гвардией пошли дивизии корпуса Виктора.

Перебравившаяся французская армия выстраивалась на правом берегу. Когда армия перешла, мосты по приказу Наполеона были сожжены.

Теперь взоры всех обратились к зрелищу окончательной агонии остатков великого полчища. Эта агония развернулась именно после Березины.

Дело в том, что для переправы раненых, слабых, безоружных, иностранцев, которые шли с французами из Москвы, времени у Наполеона нехватило, и они были брошены на произвол судьбы.

Вот что пишет один из очевидцев происходившего: «Вечеру того дня [дня переправы Наполеона через Березину] равнина Веселовская, довольно просторная, представляла ужаснейшую, невыразимую картину: она была покрыта каретами, телегами, большею частью переломанными, наваленными одна на другую, устлана телами умерших женщин и детей, которые следовали за армией из Москвы, спасаясь от бедствий сего города или желая сопутствовать своим соотечественникам. . . . Участь сих несчастных, находящихся между двумя сражающимися армиями, была гибельная смерть: многие были растоптаны лошадьми, другие раздавлены тяжелыми повозками, иные поражены градом пуль и ядер, иные утоплены в реке при переправе с войсками. . . . По самому умеренному исчислению потеря простирается до десяти тысяч человек. . . .». Наряду с этими мрачными картинами сохранились и другие воспоминания очевидцев, рисующие порой великодушное, гуманное отношение русских войск к побежденному врагу. «Была ужасная метель, я заблудился и был совершенно один», пишет русский генерал Левенштерн. Лошадь принесла его, уже замерзавшего, к русским бивуачным огням. «В лесу, возле которого находился наш бивуак, было множество французов, приютившихся там на ночлег. Они вышли ночью из леса без оружия и пришли погреться к нашим кострам. Велико было наше удивление, когда мы увидели поутру вокруг каждого костра человек сорок или пятьдесят французов, сидевших в кружок на корточках и не выказывавших ни малейшего страха перед смертью. Добрый, прекрасный Карпенко, беспощадно рубивший неприятеля, когда он стоял к нему лицом к лицу, продлил тут жизнь многим из этих несчастных».

Положение французской армии в это время было совсем катастрофическое. «Ветер и мороз были преждестожкие, все дороги замело снегом, по ближнему полю шатались толпами французы. Одни кое-где разводили огонь и сажидились к нему, другие резали у лошадей мясо и глодали их кости, жарили их, ели сырых; скоро мне показались люди замерзлые и замерзающие...». Нестерпимый голод к этому времени дошел до крайности. А с 28 ноября начались нестерпимые морозы, достигавшие 28° по Реомюру и державшиеся до 12 декабря.

Однако, маршалу Нею еще удалось между Березиной и Вильной собрать кучку боеспособных людей и часами отстреливаться от русских.

Русское преследование ослабело в эти дни жесточайших морозов. Попастъ в плен к регулярным русским войскам было мечтой погибающих французских солдат.

Вот сцена, зарисованная очевидцем.

Витгенштейн дал некоторый роздых своим войскам по пути от Полоцка. Солдаты уже уселись за щи и кашу. Сбившись в кучу, французы, сдавшиеся отряду в плен, голодные, полузамерзшие (как говорит очевидец этого происшествия), «устремляют на пищу полумертвые глаза свои. Забывши всякую вражду, несколько русских солдат, растроганные бедствием своих неприятелей, пришедших опустошать их родину, оставя ложки свои, встали и сказали прочим товарищам: «Ребята, что нам стоит не поесть? Уступим наше горячее бедным французам, ведь они тоже люди, не ели, как мы сами знаем, много дней сряду и, может быть, только по приказу Бонапарта злодействуют!». Вдруг все встали, а пленные французы тотчас бросились к пище, не могли скрыть своего удивления». Такие случаи приводятся кое-где и в воспоминаниях солдат, офицеров и врачей наполеоновской армии.

Русская армия в последнее время войны и сама голодала, в особенности в переходе от Березины до Вильны. Кутузов знал, как терпит армия, но знал также, что солдаты настроены так, что забывают и холод и голод, думая только о довершении победы. Он понимал, что не может тут же, на ходу искоренить все злоупотребления, от которых страдает русское войско, но вместе с тем видел всю необходимость двигаться и двигаться безостановочно, выпроваживая Наполеона из России. Вот как в эти холодные и голодные дни он объяснялся с войсками.

«Подъехав однажды к лейб-гвардии Измайловскому полку, князь Кутузов спросил: «Есть ли хлеб?» — «Нет, ваша светлость». — «А вино?» — «Нет, ваша светлость». — «А говядина?» — «Нет, ваша светлость». Приняв грозный вид, князь Кутузов сказал: «Я велю повесить провиантских чиновников! Завтра навезут вам хлеба, вина, мяса, и вы будете отдыхать». — «Покорнейше благодарим». — «Да вот что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодей-то, не дожидаясь вас, уйдет!» В один голос возопили измайловцы: «Нам ничего не надо, без сухарей и вина пойдем его догонять!»» Таков рассказ очевидца.

Сегюр, переживавший эти дни вместе с французской армией, утверждает, что через Березину с Наполеоном переправилось в общем около 60 тысяч человек, что уже на правом берегу к ним присоединилось еще до 20 тысяч войск из корпусов, оставшихся на флангах, но что из этих 80 тысяч человек 40 тысяч погибли на пути от Березины до Вильны. И еще очень многим суждено было погибнуть между Вильной и Неманом.

9 декабря первые толпы полузамерзших, изголодавшихся людей вошли в Вильну. Здесь сразу же они бросились разбивать и растаскивать склады, чтобы успеть насытиться и обогреться, пока их не отгонят. Уже на другой день первые русские отряды стали подходить к Вильне. Французские войска отступили из Вильны к Ковно, к Неману.

Наполеон еще 6 декабря в местечке Сморгони покинул армию, передав главное командование ее остатками королю неаполитанскому Мюрату. Это не было бегством для спасения лично себя. Ему в эти дни ничто уже не грозило. Но его присутствие не могло ничего изменить к лучшему. Отъезд же Наполеона был, с точки зрения военно-политической, необходим для скорейшего создания новой армии взамен только что погибшей: было ясно, что поражение, понесенное императором в России, подымет против него или всю Европу или, по крайней мере, часть ее и, прежде всего, Пруссию, куда не сегодня-завтра вступят русские войска.

Для Наполеона в тот момент русский поход представлялся только проигранной партией. Он был уже поглощен новой, готовившейся партией и обдумывал, как лучше ее выиграть. Он не знал еще тогда, что рана, нанесенная ему русским народом, окажется незалечимой и покончит его мировую империю.

Русский поход кончился. В течение второй половины декабря уцелевшие части отряда Макдональда и кучки отсталых, затерявшихся в литовских лесах, продолжали переходить в Пруссию. В общем несколько менее 30 тысяч человек оказалось в распоряжении сначала Мюрата, а потом, после отъезда Мюрата, в распоряжении вице-короля Италии Евгения Богарнэ.

И это было все, что осталось от Великой армии, от 420 тысяч человек, перешедших по четырем мостам через тот же Неман 24 июня 1812 года и от тех 150 тысяч человек, которые потом к этой армии постепенно присоединялись.

VIII

ПРИЧИНЫ КРУШЕНИЯ ВЛАДЫЧЕСТВА НАПОЛЕОНА В ЕВРОПЕ

Мысль целого ряда поколений не переставала работать над разрешением вопроса о причинах конечной катастрофы Наполеона, быстрота которой особенно поразительна. Возьмем момент наивысшего расцвета этой всеевропейской империи — первые месяцы 1812 года. Наполеон самодержавно царствует или непосредственно через своих наместников и генерал-губернаторов, или через вассальных, вполне покорных ему государей над территорией, которая начинается у реки Немана, в Данциге, Гамбурге, Амстердаме, а кончается в Мадриде, Калабрии, Иллирии. Одного его слова достаточно, чтобы согнать любого короля с престола, стереть с политической карты любое государство европейского континента, послать свои войска для военного похода куда ему заблагорассудится и держать их там, где захочет, сколько угодно времени. Только две державы сохраняют свою самостоятельность: Англия на крайнем Западе и Россия на крайнем Востоке. Но Наполеон не сомневается, что, покорив континент, он справится с этими двумя остающимися препятствиями.

Весной 1811 года Наполеон принимает в своем дворце Тюильри баварского генерала фон Вреде. Генерал робко и почтительно осмеливается выразить свое мнение, что, быть может, не следует придирааться к России и готовить нападение на нее. Наполеон повелительным

жестом останавливает собеседника и отчеканивает: «Через три года я буду господином всего света!». Через три года величайшая империя, какая существовала на земле после Александра Македонского, представляла собой развалины...

Эти последние годы — времена страшной, кровопролитной борьбы — были с чисто военной точки зрения нередко (например, 1813—1814 годы), по отзывам военных специалистов, таким же верхом совершенства в военном искусстве, как и прежние бесчисленные войны великого полководца. Сил к моменту начала этой финальной борьбы у Наполеона было гораздо больше, чем в любую из прежних войн; и разгадку крушения колоссальной монархии следует искать в более глубоких причинах, чем проигрыш того или иного сражения, или даже той или иной войны.

В истории Наполеона был налицо наметившийся задолго до катастрофы безмерной важности перелом, сделавший эту катастрофу неизбежной, и без понимания этого основного факта всякое объяснение крушения империи будет лишь повторением бесчисленных мистических, романтических и идеалистических фантазий, которых уже столько было выдвинуто в историографии.

Наполеон был несокрушим, и всякая борьба против него неизменно кончалась гибелью его противников, пока он выполнял свою роль «хирурга истории», ускоряющего торжество исторически прогрессивных начал и уничтожающего огнем и мечом обветшалый и без того осужденный на слом всеевропейский феодализм. Когда Маркс и Энгельс указывали, что наполеоновские войны в известном смысле делали в странах континентальной Европы то дело, которое совершала гильотина во Франции в годы террора, они имели в виду именно эти годы разгрома Наполеоном европейских феодально-дворянских абсолютистских монархий. От этих страшных ударов европейский феодальный абсолютизм уже никогда не мог вполне оправиться. Сочувствие прогрессивно настроенных кругов европейского общества в покоряемых Наполеоном странах, иногда скрытое, а иногда очень недвусмысленно выражаемое, было в те годы за Наполеоном обеспечено.

Перелом, о котором только что сказано, намечался давно. После Аустерлица его уже болезненно стали ощущать в германских странах, в Бельгии, Голландии, Италии, и даже те, кто еще в 1804 году не порицал Наполеона за

принятие императорского титула и кто считал, что можно играть роль освободителя народов даже нося царственную порфиру. Но после Тильзита обманываться и утешать себя стало уже невозможно.

Наполеон уже совершенно открыто в качестве руководящего принципа выдвинул те положения, которые он стал осуществлять, в сущности, с давних пор. Основная историческая порочность этого руководящего принципа заключалась в том, что неуклонно проводилось, основанное на голом насилии, различие между Францией, или так называемыми «старыми департаментами», и всей остальной завоеванной Европой, которая именовалась «новыми департаментами». Французы — привилегированная, господствующая раса, и именно только они должны в полной мере пользоваться всеми привилегиями, всеми экономическими выгодами, которые обеспечивает за ними победоносный меч великого императора. Остальные европейские народы предназначены быть данниками Франции. Называя себя «императором Запада», стремясь к установлению своего всемирного владычества, Наполеон в то же самое время вполне сознательно стремился быть национальным французским государем, который имеет все основания беспощадно грабить всех остальных своих подданных во имя интересов французов. «Национальный интерес для меня выше всего», говорил он, понимая при этом под национальным интересом интересы французской буржуазии, для которой Германия, Италия, Испания, Голландия, Бельгия, германские страны, Варшавское герцогство и т. д. должны быть прежде всего рынками нужного сырья. Он вполне сознательно разорял те страны, которые могли бы вступить с Францией в экономическую конкуренцию, и даже не скрывал, что французы достойны исключительного покровительства не только потому, что они наиболее «верные» из всех его бесчисленных подданных, но и потому, что они как раса стоят выше всего человечества. Выражал он эту мысль с той непосредственностью и откровенностью, которые были ему свойственны вследствие непоколебимой уверенности в непогрешимости его основных принципов. Он, например, при исчислении военных потерь считал настоящими потерями, о которых стоит говорить, только те, которые несла французская часть его многонационального воинства. Вот, например, как успокоительно говорил он о страшной гибели Великой армии

в русских снегах: «В России наши потери были значительны, но не таковы, как это воображают себе. Императорская армия насчитывала едва 140.000 человек, говорящих по-французски, и кампания 1812 года собственно старой Франции обошлась только в 50.000 человек». Он с удовлетворением отметил это и в своем знаменитом разговоре с князем Меттернихом 28 июня 1813 года в Дрездене, когда отказался заключить с союзниками мир. Вспомнив о 1812 году, он признал, что в числе погибших «было 100.000 лучших французских солдат. О них я действительно жалею. Что касается остальных, то ведь это были итальянцы, поляки и главным образом немцы!». При слове «немцы» император сделал пренебрежительный жест. Допустим, — ответил Меттерних, — но согласитесь, государь, что это не такой аргумент, который вашему величеству следует приводить, когда вы говорите с немцем».

Наполеон экономически угнетал и разорял народы покоренной Европы не только своей континентальной блокадой, но и железным гнетом, который он проводил именно в экономической области, стремясь поставить Европу в такое положение, чтобы она не могла выбиться на дорогу самостоятельной экономической жизни. Он воспрещал введение новых машин и технических усовершенствований в покоренных странах, приказывал вывозить из Италии шелк-сырец, нужный лионским фабрикантам, а итальянским шелкоделам предоставлять только те запасы, которые не нужны будут французам. Сознательно препятствовал проведению в покоренной Европе нужных для торговли путей, приказал перегонять из Испании во Францию тысячи и тысячи тонкорунных мериносов, лишая испанскую промышленность тонкой шерсти, и т. д. В области, так сказать, «идеологической» он нисколько не стеснялся при каждом удобном случае указывать на то, что французы уже, так сказать, по праву рождения стоят неизмеримо выше прочего человечества. После Тильзита, когда Наполеон стал быстро утрачивать понятие о границах между возможным и невозможным, он предстал окончательно перед населением покоренной Европы, и именно перед тем прогрессивным классом, каким являлась тогда буржуазия, в образе не освободителя, а жестокого тирана, делящего людей на категорию господ и категорию рабов, причем к первой категории относятся французы, а ко второй — все остальные покоренные народы. На него стали смотреть как на бес-

пощадного деспота, сознательно разоряющего страны, имевшие несчастье подпасть под его иго, и избавление от этой чудовищной тирании сделалось мечтой всего прогрессивного европейского человечества.

Огромный интерес представляет собой тот феномен, который можно назвать разрушением Великой армии и который был теснейшим образом связан с только что указанным переломом в исторической деятельности Наполеона. Армия Наполеона была непобедимой в первые годы его царствования. Но по мере того, как в нее вливались чуждые французам элементы, менялся и дух этой армии, исчезло прежнее ее монолитное единство, которое делало ее таким несравненным орудием в руках вождя. Былая непобедимость наполеоновской армии стала исчезать еще задолго до 1812 года. Не считаясь абсолютно ни с чем, Наполеон гнал на Россию не только солдат всей разноплеменной, покоренной им Европы, но даже испанцев из захваченной им части Пиренейского полуострова, хотя испанский народ вовсе еще не мог считаться покоренным и продолжал оказывать завоевателю ни на день не прекращавшееся яростное сопротивление. Воевать за чужое дело, за угнетателя и разорителя родины, понимая, что каждая его победа все более закрепляет цепи рабства, наложенные им на всю Европу, оказывалось выше сил человеческих. Это разложение некогда непобедимой армии бросалось в глаза всем сподвижникам Наполеона задолго до того, как насильно пригнанные им на лейпцигское кровавое поле саксонцы вдруг в разгар боя полностью перешли на сторону враждебной Наполеону коалиции, повернули немедленно свои пушки и начали расстреливать в упор французоз. Непобедимость французской армии исчезла, таким образом, именно тогда, когда Наполеон отвернулся от завершения того прогрессивного исторического задания, которое он выполнял, когда распался ореол борца против феодальной реакции и когда все приобретенное им безмерное могущество стало служить не только реакционным, но и, по существу, совсем невыполнимым задачам: превращению французоз в господствующий народ, а всяких иноплеменников в бесправные и бессловесные объекты, в рабочий вьючный скот. При этом нужно еще заметить, что разложение армии долго сдерживалось некоторыми исключительными усло-

виями, в которых протекали эти последние годы наполеоновского владычества.

Армия, если не считать 1812 год, жила и воевала в материально удовлетворительных условиях, и в 1813, 1814 и 1815 годах наполеоновские солдаты обыкновенно имели вдоволь мяса, масла, сала, хлеба, вина.

Командовал этой армией крупнейший полководец всемирной истории.

Командование воюющих с Наполеоном стран даже отдаленно не могло после смерти Кутузова ни в 1813, ни в 1814, ни в 1815 году соперничать с Наполеоном в военном искусстве.

В течение всей этой отчаянной борьбы Франция (старые департаменты) была совершенно покорна Наполеону, и французский тыл делал все от него зависящее, чтобы поддержать фронт.

Другими словами, сошлись такие обстоятельства, благоприятные для завоевателя в период финальной борьбы, которые решительно никогда в истории в подобных случаях не повторялись в прошлом и не могут повториться в будущем.

И это еще не все. Было налицо еще одно историческое обстоятельство, также неповторимое: ведь не забудем, что по условиям общественного развития в его тогдашней стадии, освободительную борьбу против Наполеона возглавили те самые представители старой феодальной абсолютистской Европы, от которых освобождающаяся Европа не могла ждать какого-либо нового слова и прогрессивного устремления. «Наполеон додразнил другие народы до дикого бешенства отпора, и они стали отчаянно драться... На этот раз военный деспотизм был побежден феодальным». Следовательно, благоприятным для Наполеона обстоятельством было и то, что возглавлявшие борьбу против него государственные люди не могли противопоставить ему никакой самостоятельной прогрессивной идеологии. И несмотря на все эти благоприятные условия Наполеон все-таки не мог не погибнуть. Все указанные условия могли только сдержать, отсрочить его гибель, так же, как сдержали его гибель финансовые средства, имевшиеся до последнего момента в его распоряжении, платеж полноценной золотой монетой за провиант и за все, нужное для армии, что французские военные власти покупали в 1813 году у населения. Не помогла также и та «сытость»

крестьянского населения Франции, Западной и Центральной Германии и Бельгии, которая так обращала на себя внимание союзников,двигающихся за отстающим Наполеоном в глубь его империи. Всех этих условий оказалось достаточно только для того, чтобы продлить наполеоновское сопротивление, но не предотвратить распад и гибель империи. Полное презрение к материальным интересам и к человеческому достоинству покоренных народов, деление на овец и козлиц, деление людей на расу господ и расу рабов разложило армию, как оно разложило и самый фундамент построенного Наполеоном великого политического сооружения. И следует признать справедливым воззрение тех историков, которые говорят, что удивительно не падение наполеоновской деспотии, а необычайная продолжительность ее агонии. Эта продолжительность объясняется прежде всего перечисленными только что благоприятными для Наполеона условиями, при которых протекала его последняя борьба. «Единственная революция, которая в самом деле страшна, — говорил Наполеон, — это революция, происходящая от пустого желудка». От этой революции ему удалось уберечься, но и это было лишь отсрочивающим, а не предупреждающим катастрофу обстоятельством.

Рядом с теми разнообразными причинами, которые сыграли свою роль в подготовке вторжения, имело значение и то затемнение былой светлой политической мысли, которое сделалось таким характерным для Наполеона с тех пор, как он подпал под власть ложной идеи о предназначении Франции властвовать над всеми народами земли и о своей «миссии» организовать и возглавить это владение французской расы. Что такое Россия? Так же, как и все прочие народы, она предназначена покориться. Если она смеет претендовать на самостоятельную политику, то это только значит, что «Россия увлекается роком». Вот эту мысль в нескольких вариантах он повторял не раз и не два до того момента, когда она была изложена в его воззвании о начале нашествия на Россию. Почему бы не положить несколько сот тысяч рабов, если таким путем можно приобрести новую колонию? А единственная потеря, о которой стоит говорить, будет небольшая, так как настоящих французов из «старых департаментов» и вообще в армии немного. Беспредельная личная гордыня тесно соединилась в Наполеоне

после его неслыханных побед с тем безумием расового эгоизма, который был тем страшнее и тем ненавистнее для покоренных народов, что внушался и осуществлялся с железной последовательностью.

Наполеон поставил перед европейскими народами задачу: или отрешиться от мысли, что когда-то у Европы было свое прошлое и возможно свое будущее, независимое от чужеземцев-завоевателей, или, предприняв борьбу не на жизнь, а на смерть, низвергнуть деспота и доказать, что предназначение французской расы к мировому владычеству является лишь политическим бредом.

Именно русскому народу выпала на долю наиболее тяжелая часть великой борьбы. Именно в России впервые рассеялось, как призрак, так долго державшееся убеждение в непобедимости наполеоновской армии.

«Вот башни полудикие Москвы
Перед тобой в венцах из злата
Горят на солнце, — но увь!
То солнце твоего заката!» —

сказал Байрон, обращаясь к Наполеону. Байрон принадлежал к числу тех англичан, которые склонялись к мысли, что русский народ спас тогда не только континентальную Европу, но и Англию.

* * *

24 июня 1812 г. Наполеон, величайший полководец всемирной истории, вступил на территорию русского государства, — и наступило, по выражению Талейрана, «начало конца» его всеевропейского владычества. 22 июня 1941 года жалкий авантюрист, метящий в Наполеоны, бросил свои армии через нашу границу. Коварный и злобный враг просчитался в своем воровском нападении на великую страну Советов. Но не на запуганных людей напал Гитлер, привыкший к победам над безоружными народами или над армиями, преданными своими правителями и генералами, и никогда никаких других побед не одержавший.

Его страна голодает так, как при Наполеоне никогда не голодали самые обделенные природой захолустья его огромной империи. В армии, которая пока еще под страхом расстрела повинуется ему, в каждом полку, в каждой роте даже самых национально-«чистых» корпусов и дивизий царят междуклассовая ненависть и рознь, каких никогда не знала в подобной степени французская Великая армия.

Пример Наполеона лишний раз заставляет убедиться, до какой степени даже самый исключительный величайший полководец оказывается бессильным и неминуемо гибнет, когда ставит перед собой совершенно неисполнимые, внушенные исключительно грубым политическим эгоизмом задачи мирового господства и беспощадной эксплуатации своего и покоренных народов.

В наши дни великому русскому народу снова суждено освободить Европу и освободить ее от несравненно худшего, гнуснейшего и постыднейшего ярма, наложенного руками биржевиков, шпионов, продажных политиков, банкиров, эксплуататоров и паразитов.

«Войну с фашистской Германией, — говорит товарищ Сталин, — нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера».

К великому счастью для человечества начало конца уже обозначилось. . .

Свойственное русскому народу спокойное самоотвержение в момент угрожающей опасности осталось и теперь таким же, каким оно было в те времена, когда Наполеон заявил, что русские солдаты по своей храбрости превосходят воинов всех наций, с которыми ему приходилось сражаться. Но насколько изменились все другие условия!

В техническом отношении армия Советского Союза на этот раз не только не уступает вторгшемуся неприятелю, но и во многих отношениях вооружена и оснащена лучше. Используя опыт всех крупнейших войн и сражений мировой истории, в том числе и последней европейской войны,

Красная Армия наносит сокрушительные удары по зарва-
шемуся врагу.

Миф о «непобедимости» гитлеровских армий будет ра-
зоблачен.

«...История показывает, что непобедимых армий нет
и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но
она была разбита попеременно русскими, английскими, не-
мецкими войсками» (Сталин).

Что касается немецко-фашистской армии Гитлера, то
«Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления
на континенте Европы. Только на нашей территории встре-
тила она серьезное сопротивление. И если в результате
этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской
армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то
это значит, что гитлеровская фашистская армия также
может быть разбита и будет разбита, как были разбиты
армии Наполеона и Вильгельма» (Сталин).

«Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна.
Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной
Армией на защиту Родины подымается весь советский
народ» (Сталин).

Гнусным преступникам, о которых знаменитый немец-
кий писатель Генрих Манн сказал, что они превзошли
меру человеческих подлостей, не удастся превратить двести
миллионов свободных советских граждан в подъяремных
рабов. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа бу-
дет за нами.



Редактор И. Азуф.

Подписано к печати 21/VII 1941 г. Объем 4¹/₄ п. л. 3,65 авт. л. Коллич. тип. зн.
в 1 печ. л. 35776. М 71283. Тираж 130 000 (110 000 + 20 000). Заказ № 1251.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“
им. А. М. Горького.

45 коп.